

801-16
475

ЖИЗНЬ
И
СЧАСТЬЕ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
ВЛАДИМИРА БАРАНОВА

Д-РА ФИЛОСОФІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. СУВОРИНА, ВЪТЪЛЪЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1884

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 октября 1888 г.

58154-10

2011096210

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Изложенная на послѣдующихъ страницахъ брошюра: *жизнь и счисленіе* появилась первоначально въ англійскомъ изданіи, въ виду того, что лекціи по этому предмету были прочтаны въ Лондонѣ и обратили вниманіе публики на столько, что меня просили издать ихъ въ отдѣльной брошюрѣ.

Безъ всякаго сомнѣнія русская публика отнесется снисходительно къ одному изъ первыхъ опытовъ русской мысли двигаться не въ хвостѣ европейской, а предложить самостоятельную формулировку вопросовъ, всегда интересовавшихъ человѣчество. Въ настоящее время мы не можемъ указать ни на одинъ научный вопросъ, въ которомъ бы русскій умъ не представилъ образцовъ самостоятельнаго изслѣдованія. Есть даже цѣлыя области въ наукѣ, въ которыхъ первенство практическаго примѣненія принадлежитъ русскому имени; но, къ сожалѣнію,

мы не можемъ указать ни на одно самостоятельное философское изслѣдованіе, которое не приурочивалось бы самымъ тѣснымъ образомъ къ одной изъ существующихъ философскихъ школъ.

Далѣе—какъ на Западѣ философія потеряла свой кредитъ у мыслителей, занятыхъ детальною разработкой естествознанія, такъ и въ Россіи, лишь одни спеціальныя изслѣдованія детальныхъ вопросовъ пользуются вниманіемъ публики и, болѣе того, привлекаютъ къ себѣ носителей знанія и таланта.

Въ области поэзіи русская мысль XIX столѣтія пишетъ своихъ первоклассныхъ мировыхъ представителей; но представители эти, облачая носителей своихъ идей въ костюмы, незнакомые Европѣ, остались нецѣпными интеллигенціей Запада въ той мѣрѣ, въ какой бы они заслуживали этого. Русскіе критики, привыкшіе къ европейскимъ костюмамъ, также боялись признать въ своихъ герояхъ мировыхъ дѣятелей, а между тѣмъ типы, созданные Гоголемъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Тургеневымъ, Достоевскимъ и друг., ничуть не хуже, хотя и конкретнѣе, типовъ величайшихъ европейскихъ художниковъ. Эта черта русскаго ума, при всей своей ширинѣ и способности къ отвлеченію, всегда остается конкретнымъ, или, выражаясь иначе, пригвожденнымъ къ жизни—мало повѣстна и мало оцѣнена по достоинству западными мыслителями. Создать типъ историческаго идеала или фавбу, окруженную декорацией фантазіи, легче, чѣмъ открыть идеалъ на почвѣ дѣйствительной жизни, драпиро-

вавъ его не въ тогу, а въ сѣрый армякъ. А между тѣмъ наши художники изображаютъ намъ и въ сѣромъ армякѣ, и въ черномъ сюртукѣ, и въ синемъ зипунѣ такихъ героевъ, въ которыхъ бьется міровое сердце, которымъ позавидуютъ и Гете, и Шекспиръ. Та же черта, составляющая особенность русскаго духа,—пригвождать къ жизни широчайшее отвлеченіе, иѣшала русскому уму завоевать себѣ направляющее начало въ средѣ европейской цивилизаціи.

Мнѣ приходилось выслушивать отзывы европейскихъ мыслителей о русскіихъ талантахъ; при этомъ они выражали ту-же мысль, только инымъ языкомъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ мнѣ самымъ наивнымъ образомъ: — не удивляюсь я, что, не смотря на громадность талантовъ въ Россіи, мы не слышимъ о гениальныхъ произведеніяхъ русской мысли; сколько мнѣ ни приходилось видѣть русскихъ, поражавшихъ меня глубиною и мѣткостью своихъ воззрѣній, но каждый изъ нихъ задавался такими всеобъемлющими задачами, разрѣшить которыя подъ силу только поколѣвіямъ. Между тѣмъ,—говорить то-же лицо,—многіе изъ русскіихъ талантовъ, обратившіеся къ спеціальнымъ вопросамъ, вѣдѣтіе-ли недостатка творчества, или по естественной реакціи своихъ способностей первому направленію, до того увлекаются спеціализаціей, что какъ-бы отрицаютъ всякое право гражданства у общей мысли.

Что это замѣчаніе истинно и не представляетъ собою случайнаго явленія послѣднихъ лѣтъ нашей жизни, мы

убѣждаемся еще изъ произведеній Гоголя. Въ типѣ Тентетникова мы встрѣчаемъ личность изъ первой категоріи, и хотя авторъ не пожалѣлъ красокъ для осмѣянія этой личности, но, какъ истинный художникъ, онъ не могъ не удостоить его заслуженнымъ изумленіемъ. Мы видимъ, что при встрѣчѣ Чичикова съ Тентетниковымъ послѣдній произвелъ на перваго глубокое впечатлѣніе и впервые заставилъ его задуматься. Что-же такое Тентетниковъ, котораго его творецъ называетъ «коптителемъ неба»? Тентетниковъ никогда ничего не могъ произвести, ибо никогда не обладалъ способностью забыть что либо и упустить изъ виду; поставленные имъ задачи онъ хотѣлъ разрѣшить сполна, и всякое случайное противорѣчіе съ жизнью разбиало его долготнѣе размышленіе; онъ заперся въ свой кабинетъ, но отъ этого не приобрѣлъ способности сдѣлаться кабинетнымъ ученымъ; чуткость къ окружающимъ явленіямъ останавливала полеть отвлеченной мысли; но если Тентетникову суждено было наносить своей шпагой удары по воздуху, то не слѣдуетъ однако изъ этого заключать, что русская мысль вообще не обладаетъ способностью добиваться результатовъ. Когда нибудь будетъ и на ея улицѣ праздникъ!

Дрязги обыденной жизни до того поглотили насъ, что мы невольно перестаемъ падѣяться на благотворное дѣйствіе широкой мысли; когда мы обращаемся къ ученымъ, то и тамъ встрѣчаемся съ постояннымъ недовѣріемъ къ мысли. Вся исторія XIX столѣтія пагляднымъ образомъ представляетъ собой все болѣе и болѣе возрастающее не-

довѣріе къ мысли. Нисколько не отрицая пользы спеціальныхъ изслѣдованій, нельзя упускать изъ виду, что ни наука, ни жизнь не могутъ идти всегда правильнымъ, наиболѣе плодотворнымъ путемъ, если не будутъ имѣть въ своихъ рукахъ компаса общей мысли, направляющаго и указывающаго вѣрные пути. Я не отрицаю, что въ этомъ разочарованіи не мало вины принадлежитъ метафизикѣ; послѣдняя, паря высоко надъ задачами жизни, сама заблудилась въ заоблачныхъ пространствахъ. Но не слѣдуетъ-же отсюда заключать, что философія есть праздная забава ума.

Философская мысль не только потребность человѣческаго духа, она въ то-же время руководящее начало и въ наукѣ, и въ жизни.

Многіе думаютъ, что философія недоступна обыкновенному пониманію, что ея языкъ не можетъ быть общепонятнымъ языкомъ. Это мнѣніе также ошибочно; философія должна быть доступна общему пониманію и можетъ выражаться общепонятнымъ языкомъ.

Примѣчаніе. Предположенный къ изслѣдованію вопросъ о жизни и счастья слишкомъ обширенъ и всеобъемлющъ для того, чтобы возможно было объять его во всей совокупности съ одной точки зрѣнія. Я воспользовался въ своемъ изслѣдованіи общепринятымъ разграниченіемъ и въ настоящемъ трудѣ разсмотрѣлъ вопросы съ точки зрѣнія динамической, предоставивъ себѣ въ послѣдующемъ разсмотрѣть тѣ-же вопросы съ точки зрѣнія статической. Подготавливаемое мною изслѣдованіе о жизни и здоровья будетъ имѣть своею задачею разсмотрѣть вопросъ о чело-

вѣческомъ счастьи съ точки зрѣнія статики. Вотъ почему я прошу снисхожденія у читателя, если, при чтеніи этой книги, онъ не найдетъ отвѣта на всѣ тѣ вопросы, которые возникнутъ въ его умѣ. Хотя на нѣкоторые изъ вопросовъ, я вполне увѣренъ, читатель въ состояніи будетъ отвѣтить себѣ, не дожидаясь второй части изслѣдованія, но тѣмъ не менѣе я полагаю, что вторая часть допшнитъ эти отвѣты и откроетъ читателю множество новыхъ точекъ зрѣнія, которыя быть можетъ не возникнутъ при чтеніи первой.

В. Барановъ.

ЖИЗНЬ И СЧАСТЬЕ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Великія идеи возникаютъ изъ глубины человѣческаго духа. Онѣ имѣютъ своимъ источникомъ сердца народовъ и человѣчество всѣхъ временъ понимало и цѣнило ихъ. Если философы не были вполне поняты, то причина тому лежитъ въ недостаточности ихъ собственныхъ знаній. Краткая выдержка изъ исторіи философіи освѣтитъ эту мысль.

Оставляя въ сторонѣ болѣе древнихъ восточныхъ философовъ, первый великій философъ училъ: дабы познать міръ, прежде всего познай самого себя, и это былъ—Фалесъ. Затѣмъ Сократъ считалъ возможнымъ міропознаніе чрезъ посредство морали; вѣрная идея, такъ какъ въ духѣ человѣческомъ мораль занимаетъ главное мѣсто. Но средства того времени были слишкомъ ограничены, дабы дозволить Сократу полное познаніе міра, и два его ученика—Платонъ и Аристотель — пошли различными путями. Во-

одушевленные памятью великаго учителя и любовью къ знанію, они были вынуждены идти въ двухъ различныхъ направленіяхъ: одно развивало человѣческій духъ въ направленіи *времени*, а другое въ направленіи *пространства*. Между временемъ появленія этихъ двухъ мужей и новымъ періодомъ исторіи философіи, полезно упомянуть о двухъ школахъ нравственной философіи: — школѣ *времени* съ одной стороны, представителями которой являются стоици и школѣ *пространства* съ другой, — представляемой эпикурейцами.

Далѣе, нисходя къ новѣйшимъ временамъ, мы приходимъ къ школѣ новой философіи, и здѣсь мы видимъ, что двѣ страны, Франція и Англія, въ тотъ-же періодъ времени, произвели: одна—Декарта, другая—Бэкона; первый, какъ Платонъ, философъ въ направленіи *времени*, а второй, какъ Аристотель, въ направленіи *пространства*. Въ этотъ періодъ философія получила могучій толчекъ. Далѣе слѣдуютъ: Кантъ, Фихте, Гегель и друг.—за Декартомъ, какъ Локкъ и друг. за Бэкономъ.

Въ нравственной философіи творцы германской системы, или системы *времени*, смѣшали идею долга съ идеей человѣческой нравственности. Они упустили изъ виду, что долгъ и обязанность суть только отрицательные элементы морали. Долгъ не даетъ намъ положительнаго желанія добра; онъ только контролируетъ, сдерживаетъ и направляетъ элементы, способствуя гармоніи желаній. Въ то-же время система или философія *пространства* даетъ намъ только нравя для поведенія жизни. Если первая система достаточно

глубока, хотя не полна, то послѣдняя — широка, но не глубока.

Тѣ-же ошибки этихъ двухъ системъ мы встрѣчаемъ въ философіи природы.

Но ни время, ни пространство, отдѣльно, недостаточны для представленія человѣческаго духа, а лишь совокупность обѣихъ. Содѣйствовать счастью человечества — вотъ предметъ, которымъ задается система, развитая на послѣдующихъ страницахъ.

Примѣчаніе. До сихъ поръ для освѣщенія исторіи философіи, историки останавливались главнымъ образомъ на методахъ изслѣдованія, употребляемыхъ каждымъ философомъ въ его системѣ. Такого раздѣленія, которое охватывало бы собою всю исторію философіи, безъ всякаго исключенія, до настоящаго времени, не существовало. Наибольше употребительное раздѣленіе, которое пытались провести по всей исторіи философіи, выражалось терминами: идеалисты и реалисты; но и это дѣленіе не представляетъ собою достаточно глубокаго признака, способнаго стать въ основаніе классификаціи произведеній мысли. Я остановился на раздѣленіи философіи на философію пространства и философію времени, на томъ основаніи, что этими признаками отличаются весьма характерно два способа нашего мышленія: съ одной стороны мы выискиваемъ въ смежныхъ явленіяхъ, сравнивая ихъ, и интересуемся ихъ одновременнымъ отношеніемъ другъ къ другу и мысль наша слѣдуетъ при этомъ картиннымъ представленіемъ вѣщаго; съ другой стороны, мы выискиваемъ въ послѣдовательную связь явленій, интересуемся ихъ причинностью и

размышляемъ путемъ діалектическимъ и это есть мышленіе во времени.

Безъ всякаго сомнѣнія объ способности существуютъ и должны существовать у каждаго человѣка, не только что у каждаго мыслителя, но преобладаніе одной изъ этихъ способностей илонить и направляетъ всѣ произведенія лица въ ту или другую сторону. Хотя исторія философіи показываетъ намъ въ Сократѣ, Лейбницѣ и Спинозѣ философовъ, представляющихъ собой гармоническое сочетаніе обоихъ направленій, но за то, почти во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, выдѣляется самымъ рѣзкимъ образомъ ихъ различіе.

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ

ВЪ ОТНОШЕНІИ

КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМУ ДУХУ.

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМУ ДУХУ.

1. Что такое счастье и въ чемъ оно состоитъ?

Вотъ вопросъ, который задавалъ себѣ всякій, съ тѣхъ поръ какъ міръ сталъ мыслить, т. е. съ того момента, какъ началось людское самосознаніе.

Философія хотя и стояла на вершинѣ обшей мысли, но ея задачи миновали вопросъ о человѣческомъ счастьи. Стремясь къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ бытія и исходя главнымъ образомъ изъ самосознанія, философія не успѣла дойти до сущности человѣческаго бытія въ ея прямой, жизненной постановкѣ. Великіе поэты и комментаторы религіозныхъ міросозерданій, черпая свои знанія изъ глубины человѣческаго сердца, разрѣшали полнѣе и глубже вопросъ о человѣческомъ счастьи.

2. Великій знатокъ человѣческаго сердца—Шекспиръ—сосредоточилъ свою философію счастья въ одной фразѣ:

«Быть или не быть».

Вспоминая обстоятельства, при которых сказана эта фраза Гамлетом, мы видим, что она была вызвана подлейшим разочарованіемъ этого лица въ присутствіи у окружающихъ его людей нравственныхъ началъ, необходимость которыхъ онъ связывалъ со всѣмъ смысломъ своего существованія. Этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется всесвѣтная популярность этой фразы. Конечно Шекспиръ высказалъ въ этой фразѣ — только отрицательное направленіе своей философіи счастья, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показалъ намъ тѣ основанія, на которыхъ зиждется этика.

3. Почти всѣ изъ существующихъ и когда либо существовавшихъ религій вліяли на человѣчество догматомъ безсмертія, или, другими словами, будущей жизни, допуская такимъ образомъ для каждой существующей души возможность достигнуть безпредѣльнаго счастья.

4. Теоретически доказывать важность вопроса о счастьѣ было бы простою тратою времени; однако, хотя всякій и каждый день думаетъ о счастьѣ и довольствѣ, но въ то же время онъ затруднится сдѣлать краткое опредѣленіе истиннаго счастья.

5. Между тѣмъ формула счастья, на самомъ дѣлѣ, очень проста.

6. Если всё ваши желанія исполнены, вы говорите, что вы довольны; если у васъ было много желаній и всё эти желанія исполнились, вы скажете: я очень доволенъ; продолжайте въ томъ же направленіи и вы замѣтите, что чѣмъ больше желаній вы имѣли, чѣмъ большее число ихъ исполнилось, тѣмъ болѣе и объемъ вашего удовлетворенія.

7. Допустите на мигу, что вы желаете малаго и это малое легко исполнимо. Вы желаете быть сытымъ, одѣтымъ, обутымъ, имѣть кровль. Вы никого не любите, никому не желаете добра, мало кого знаете и вообще мало знаете, что значитъ знать, понимать и любить. Въ общемъ ваши желанія ограниченны, ихъ мало числомъ.

Представьте же себѣ, каковы будутъ тогда ваши ощущенія?—Вы удовлетворены, вы довольны, но жизнь ваша будучи ничтожнымъ родомъ существованія — незавидна: она безсодержательна!

8. Эти немногія, простыя соображенія даютъ, по моему мнѣнію, весь необходимый матеріаль, чтобы создать формулу счастья.

9. Счастье выражается отношеніемъ исполненныхъ желаній къ числу всёхъ желаній лица. Это составляетъ

качественную сторону счастья или *довольство* въ просторѣчїи.

10. Чтобы быть счастливымъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, мы должны имѣть много желаній. Если даже не всѣ изъ нихъ будутъ исполнены, то все таки большинство исполненныхъ желаній, при меньшемъ довольствѣ, создастъ намъ бдльшее счастье.

Вотъ количественная сторона счастья.

11. Позволю себѣ провести дерзкую аналогическую параллель: камень не имѣетъ желаній; число его желаній равно нулю: у него нѣтъ шансовъ быть недовольнымъ и качественная сторона его счастья удовлетворена вполне.

Онъ доволенъ.

12. Съ другой стороны, пусть всякій воскреситъ въ себѣ свое понятіе о Божествѣ. У Божества нѣтъ личныхъ желаній, всѣ они направлены къ міру; число желаній его безконечно.

13. Хотя всякій знаетъ, что не всѣ желанія Божества исполняются, но неоспоримо, что тутъ идеаль нашего счастья. Предѣлы этому идеалу — міръ и міръ въ немъ.

Во всѣхъ религіозныхъ міросозерданіяхъ свобода воли, дарованная Божествомъ міру, составляетъ ихъ неизбѣжный принципъ. Вотъ почему послѣдствія этой свободы воли, явятся въ томъ же пониманіи, источникомъ не-удовлетворенія всѣхъ желаній Божества.

14. И такъ Божество и камень, вотъ два предѣла чело-вѣческаго счастья. Оба одинаково недостижимы человѣку, но въ предѣлахъ зиждется пониманіе чело-вѣчества.

15. Послѣ этихъ немногихъ предварительныхъ замѣчаній, я буду говорить сухимъ, математическимъ языкомъ. Счастье чело-вѣчества можетъ быть выражено дробью, числитель которой представляетъ число исполненныхъ желаній, а знаменатель громадное количество, стремящееся къ бесконечности и представляющее собою число всѣхъ желаній индивидуума.

16. Великій Фаустъ безсмертнаго Гёте продалъ свою душу дьяволу за одно мгновеніе счастья, и что-же? Всѣ средства для удовлетворенія его желаній были у него подъ рукой, всѣ его «кудрявые» капризы исполнялись Мефистофелемъ, и все-таки Фаустъ нашелъ счастье лишь тогда, когда ему удалось создать мірокъ счастливыхъ людей среди которыхъ онъ, какъ равный съ равными, вздохнулъ свободной грудью. Тутъ онъ долженъ былъ сообщить дьяволу, что счастье не лежитъ въ предѣлахъ его

дьявольской власти; но какъ честный человекъ, онъ отдавъ дьяволу свою душу по буквѣ договора.

Дьяволъ побѣдилъ по формѣ, будучи побѣжденъ по существу.

17. Приступимъ теперь къ дальнѣйшему развитію этой системы:

Всѣ философы принимали въ соображеніе только одну часть человѣческаго духа, а именно: самосознаніе, и на этомъ основаніи строили здание всей психологій.

Конечно метафизика, строящая все міросозерцаніе на началахъ самосознанія, послѣдовательна, когда на тѣхъ же началахъ создаетъ психологію, но не правы психологи другихъ школъ, не замѣчая противорѣчія собственнымъ доктринамъ.

18. По моему, недостаточно понимать только одно человѣческое самосознаніе, чтобы познать человѣческій духъ. Всѣ существующіе элементы его должны быть разсматриваемы отдѣльно и въ ихъ взаимномъ отношеніи. Только этимъ путемъ можетъ быть достигнуто истинное познаніе человечества.

19. Я знаю, философы возражать, — невозможно представить себѣ ни одного отдѣльнаго элемента духа безъ способности къ самосознанію; мой отвѣтъ будетъ: — не

забывайте, однако, что самосознаніе въ самомъ себѣ недостаточно для объясненія человѣческаго духа.

20. Вотъ почему я думаю, что было-бы лучше поставить *желаніе* какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ для построенія философіи человѣческаго духа.

И полагаю вмѣстѣ съ тѣмъ, что желанія служатъ представителями пространственной стороны нашего духа, тогда какъ идея будетъ представлять собою сторону времени нашего духа.

Въ примѣчаніи къ предисловію мы говорили о томъ что наша способность мышленія дѣйствуетъ въ направленіи пространства и времени; здѣсь же мы говоримъ о другого рода элементахъ человѣческаго духа, а именно: о желаніяхъ.

Желанія предшествуютъ всякому психическому движенію и составляютъ стимулъ всякаго движенія духа. Идея представляетъ собою результатъ движенія; оба элемента несомнѣнно присутствуютъ въ каждомъ движеніи духа и оба могутъ быть сознательные и безсознательные; но вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько движеній стимулирующихъ желанійми, безъ различія того, будутъ ли они сознательные или безсознательные, даютъ результатъ въ сторону наисильнѣйшаго изъ одновременно дѣйствующихъ стимуловъ; вотъ почему я полагаю, что желанія, могущія быть одновременными, слѣдовательно смежными, представляютъ собою—пространственную сторону духа, тогда какъ идея, вытекающая какъ результатъ дѣятельности наисильнѣйшаго изъ одновременныхъ одноидеальныхъ жела-

пій, а потому работающая въ послѣдовательности, представляетъ собою элементъ времени нашего духа; хотя въ свою очередь я допускаю возможность смежности и для бессознательныхъ идей.

21. Изъ этого слѣдуетъ, что для болѣе яснаго пониманія этой системы, мы должны принять въ соображеніе не только наши сознательныя желанія, но также и тотъ фактъ, что громадное число человѣческихъ желаній остаются не сознанными, и, что необходимо извѣстное количество энергій дѣйствія, чтобы довести ихъ до сознанія.

Это различіе между сознательными и бессознательными желаніями можно сдѣлать доступнымъ обыкновенному пониманію, если сказать, что первыя суть тѣ, которыя извѣстны нашему уму, а вторыя—которыя извѣстны лишь нашему сердцу.

Конечно, при нравственной оцѣнкѣ личности, мы принимаемъ въ расчетъ преимущественно тѣ ея нравственныя поступки, которые вытекаютъ изъ ея сознательной дѣятельности, но тѣмъ не менѣе, мы высоко цѣнимъ присутствіе въ личности нравственныхъ инстинктовъ и вполнѣ понимаемъ, что тѣ дѣйствія личности, которыя происходятъ отъ безразчетныхъ побужденій — составляютъ тотъ твердый нравственный фундаментъ, на который мы всегда можемъ положиться.

Въ заслугу лицу мы ставимъ количество сознательно произведенныхъ имъ добрыхъ дѣлъ, а симпатизируемъ и любимъ того, кому не нужно много обдумывать какъ поступить въ данномъ случаѣ и для котораго стоитъ много

усилій поступить противно полной гармоніи со всѣми началами добра.

22. Самосознаніе ограничено періодомъ дѣятельности нашего духа. Въ каждое мгновеніе нашей жизни, мы имѣемъ лишь одно сознательное представленіе, и величайшіе философы доказали намъ, что въ одинъ и тотъ-же моментъ невозможно сознать болѣе одной идеи.

23. Конечно всѣ сознательныя идеи ограничены временемъ, но духъ нашъ не исчерпывается однимъ самосознаніемъ; онъ дѣйствуетъ въ то-же время безсознательно для насъ, и работа нашего духа, нами не сознаваемая, относится къ нашему сознанию, какъ поверхность относится къ линіи.

Всѣ сознанія идеи и желанія ограничены временемъ и стоятъ къ не сознаннымъ въ томъ-же отношеніи, какъ линія къ поверхности.

24. Для дальнѣйшаго развитія этой теоріи мы должны уяснить себѣ различнаго рода человѣческія желанія.

Человѣческія желанія, съ общей точки зрѣнія, бываютъ или *положительныя*, или *отрицательныя*.

Только одни положительныя желанія стоятъ въ прямомъ отношеніи къ человѣческому духу. Отрицательное

желаніе есть результатъ столкновенія между различнаго рода элементами желаній, слагающихъ человѣчскій духъ.

Этимъ положеніемъ, приводя его въ связь съ общимъ пониманіемъ, я хочу выяснитъ, что зло въ природѣ, какъ начало положительное, — не существуетъ; зло есть результатъ несовершенства нашей природы, вслѣдствіе котораго происходитъ столкновеніе различныхъ намъ присущихъ началъ и зло вытекаетъ изъ этого столкновенія какъ результатъ реакціи положительнаго начала ослабленнаго другимъ, болѣе сильнымъ положительнымъ началомъ.

Возьмемъ для примѣра ненависть, въ которой мы обыкновенно усматриваемъ образецъ злыхъ желаній. Великій согласится со мною, что безпричинной ненависти не существуетъ даже въ исключительно болѣзненныхъ (правствепно) организмахъ. Ненависть есть слѣдствіе цѣлага ряда неудовлетворенныхъ желаній, большинство которыхъ было положительно добрыхъ желаній и только меньшинство принадлежало къ разряду своекорыстныхъ; но вслѣдствіе постыднаго неудовлетворенія происходитъ естественная реакція, которая моментально исчезаетъ при удовлетвореніи этихъ неисполненныхъ желаній; мы же обыкновенно привыкли считать эту временную реакцію за нѣчто положительное. Разберите вы дивное произведеніе Шиллера — *Донъ-Карлосъ*: развѣ Филиппъ съ своимъ духовникомъ и инквизиторомъ или герцогъ Альба, не представляютъ собой самымъ нагляднымъ образомъ примѣра злыхъ людей, пропитанныхъ самыми добрыми цѣлями? А великія произведешя нашего писателя Достоевскаго, не доказываютъ ли они безконечнымъ рядомъ примѣровъ, изъ сферы обыденной жизни, ту же истину!

25. Далѣе представьте себѣ, что различные элементы нашего духа, входя въ столкновение одинъ съ другимъ, производятъ двѣ вещи:

Во-первыхъ: отрицательное желаніе, какъ сказано выше; во-вторыхъ: при столкновеніи двухъ положительныхъ желаній, происходитъ дѣйствіе подобное дѣйствію тормоза на результатъ дѣятельности.

26. Первое есть отрицательный результатъ дѣятельности двухъ желаній въ столкновеніи, а второе—есть положительный результатъ.

Припоминая сказанное въ § 24 и его примѣчаніи, о происхожденіи отрицательныхъ желаній, которыя мы объясняемъ себѣ, какъ результатъ реакціи неудовлетворенныхъ желаній и что на этомъ началѣ мы строимъ все понятіе о злѣ, намъ легко будетъ понять выраженное въ предыдущихъ §§ 25 и 26, что отрицательное желаніе составляетъ отрицательный результатъ дѣятельности двухъ желаній въ столкновеніи, а сдерживающей и направляющей результатъ этого столкновенія составляетъ положительную сторону дѣятельности двухъ сталкивающихся желаній. Такъ какъ если одно желаніе сдерживаетъ и направляетъ другое, то оно, въ то же время, перерабатываетъ природу этого желанія, соглашая ее съ своею собственною природою, вотъ почему я и назвалъ этотъ результатъ двухъ сталкивающихся желаній положительнымъ результатомъ столкновенія; другими словами, отрицательныя желанія суть результатъ раздора нашихъ желаній,

тогда какъ сдерживающіе и направляющіе элементы нашего духа—суть примиреніе нашихъ желаній.

27. Для большей ясности возьмемъ примѣръ средняго преступника.

Во-первыхъ, онъ обладаетъ значительнымъ количествомъ дѣятельной способности и большимъ залогомъ своеобразныхъ желаній; для удовлетворенія своихъ стремленій онъ не разборчивъ на средства, такъ какъ у него мало сдерживающихъ желаній благожелательнаго характера, которыя тормозятъ и вліяютъ на выборъ средствъ.

Но тѣмъ не менѣе ни у одного преступника мы не можемъ отрицать присутствія добрыхъ началъ или желаній направленныхъ къ ближнимъ и къ окружающему его міру; вотъ почему всякій разъ, что онъ поступаетъ въ направленіи противномъ своей природѣ, онъ ощущаетъ неизгѣримое страданіе, обыкновенно выражаемое словами: «мученіе совѣсти». Эта мысль подкрѣплена цѣлымъ рядомъ примѣровъ въ произведеніяхъ Достоевскаго. Но въ тѣхъ же произведеніяхъ мы встрѣчаемъ преступниковъ повидимому съ полной гармоніей совѣсти; чѣмъ же объясняется это явленіе? — Тѣмъ, что не всегда преступленіе является результатомъ того, что мы называемъ страстью; очень часто преступленіе вытекаетъ изъ недостаточнаго сознанія зла, изъ неумѣнія приложить вытекающей изъ нашей природы нравственной кодексъ къ сложнымъ и запутаннымъ обстоятельствамъ жизни; но въ такихъ случаяхъ личность обставляетъ, для самое себя, стимулы своихъ дѣйствій какими либо побужденіями не личнаго характера.

28. Далѣ мы знаемъ, что во всѣхъ сознанныхъ идеяхъ есть личныя, или своекорыстныя элементы и что отношеніе этихъ элементовъ въ нашемъ духѣ близится къ отношенію линіи къ поверхности.

29. Я говорю, — близится, потому, что нѣкоторыя безсознательныя желанія сами въ себѣ своекорыстны, какъ это указываетъ намъ френологія. Однако это обстоятельство мало видоизмѣняетъ вышеприведенное отношеніе линіи къ поверхности.

Говоря объ оцѣнкѣ личности въ дополненіи къ § 21, мы высказали ту мысль, что мы ставимъ въ заслугу личности количество сознательно произведенныхъ ею добрыхъ дѣлъ и это становится вполне понятнымъ, если принять во вниманіе, что во всѣхъ сознательныхъ идеяхъ присутствуетъ личный элементъ, такъ какъ самый актъ сознанія обуславливаетъ присутствіе я. Вотъ почему мы вполне правы отдавая предпочтеніе въ своихъ оцѣнкахъ сознательному добру, ибо сила сознательнаго добра, преодолевающаго личныя инстинкты всегда значительное, чѣмъ инстинктивное доброе побужденіе. Но въ человѣческой природѣ мы видимъ, что сила добра настолько преобладаетъ надъ личными побужденіями, что даже присутствіе я, обуславливающаго самосознаніе, не препятствуетъ тому, чтобы значительное большинство нашихъ элементовъ было на сторонѣ нравственныхъ желаній.

30. Теперь мы можемъ сказать, что человѣческія же-

жапія бывають: или своекорыстными—относясь къ личности индивидуума, или они относятся къ ближнимъ и къ окружающему чловѣка міру.

Число первыхъ ограничено, и, за исполненіемъ желаній, идетъ пресыщеніе, т. е. превышеніе числителя надъ знаменателемъ дроби, изображающей счастье, что порождаетъ несчастье большее тѣмъ обратный случай.

Число желаній, касающихся ближняго и міра—безгранично, и въ этомъ гарантія чловѣческаго счастья.

31. Я упомянулъ о френологіи. Какое мѣсто занимаетъ она въ отношеніи къ этой теоріи?

Френологія учитъ насъ познавать органы чловѣческаго духа; она указываетъ намъ на элементы духа и тѣмъ даетъ намъ точки опоры.

32. Гдѣ же какъ не въ духѣ искать намъ средствъ къ самопознанію и самовсправленію?

33. Френологія открываетъ намъ средства къ излеченію духа, какъ медицина къ излеченію тѣла.

34. Гигіена указываетъ намъ на поведеніе, необходимое для сохраненія здоровья.

Френологія дае намъ указаніе тѣхъ путей, которые ведутъ къ увеличенію и укрѣпленію нашего счастья.

35. Провѣримъ справедливость только что сказаннаго. Со времени Галля, великаго отца науки френологіи, поставленныя имъ рамки мало измѣнились послѣдующими трудами. Однако теперь мы гораздо лучше понимаемъ органы духа. Мы обобщили ихъ и начинаемъ видѣть въ рубрикахъ френологіи элементы, а не произвольные комплексы ощущеній.

36. Въ послѣднее время было сдѣлано много по части популяризаціи науки френологіи и несомнѣнно эта отрасль знанія сдѣлала важныя успѣхи.

37. Популяризировать значить сдѣлать предметъ легко понятнымъ, или, другими словами, перевести отъ менѣе извѣстнаго къ болѣе извѣстному; а это уже есть переходъ отъ эмпиризма къ наукѣ.

Послѣднія открытія въ области фзіологіи до такой степени существенно подтвердили справедливость мысли о локализациі нашихъ способностей, что даже и у этой отрасли знаній не представляется болѣе сомнѣнія въ вѣрности основныхъ началъ, заложенныхъ Галемъ. Въ отношеніи къ психологіи, послѣдняя до сихъ поръ не пыталась еще примирить начала френологіи съ философіею

духа; и это главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что психологія, стоя на пачалахъ самосознанія, не можетъ выбраться изъ созданнаго ею самой лабиринта.

38. Чему же учить насъ френологія?

Она указываетъ намъ, что въ органахъ человѣческаго духа, принимая въ соображеніе какъ периферію, такъ и объемъ головного мозга, элементы своеобразныя (эгопетическіе) составляютъ значительное меньшинство. Затѣмъ слѣдуетъ масса элементовъ безразличныхъ. По кубическому объему, эти элементы незначительны, но по напряженности ихъ дѣятельности, они занимаютъ изрядное мѣсто.

Эти элементы даютъ духу мыслительный матеріалъ, равно какъ и матеріалъ для чувствованія.

Наконецъ главнѣе мѣсто въ головномъ мозгу занимаютъ органы, посвященные ближайшему и окружающему насъ міру; въ этихъ-то органахъ и лежитъ залогъ человѣческаго счастья.

Ближайшій послѣдователь Галы, Шпурцгеймъ, раздѣляетъ всю человѣческую голову на три части: къ первой, въ вертикальномъ дѣленіи, онъ относитъ интеллектуальныя способности, и отдѣляетъ такимъ образомъ переднія доли головного мозга отъ остальной части мозга, которую, примѣрно на одной трети отъ уха, онъ раздѣляетъ горизонтальной плоскостью и относитъ къ нижней, меньшей части — животныя склонности, а къ верхней, большей — нравственныя способности. Но при этомъ къ жи-

вотнымъ способностямъ онъ относить растительныя, собирательныя элементы, и разрушительныя наклонности, а также и скрытность. Между тѣмъ изъ этихъ опредѣлений видно, что нельзя признать въ наклонностяхъ, опредѣляемыхъ Галемъ словомъ разрушительныя, исключительно своекорыстные элементы, такъ какъ дальнѣйшими толкователями способность, названная Галемъ разрушительною, объясняется какъ педаль способствующая энергіи дѣйствія остальныхъ элементовъ и потому наклонность разрушенія можетъ быть вѣрнѣе опредѣлена какъ способность энергіи. Американскій френологъ Фаулеръ раздѣляетъ всѣ способности на семь группъ, а именно: первая группа, называемая имъ литературными, наблюдательными и познавательными способностями, къ которой относятся различнаго рода человѣческія памяти, какъ-то: память словъ, формъ, размѣра, цвѣта, органъ систематизаціи или порядка, память чиселъ, мѣстностей, ритма, звука, и проч.; ко второй группѣ онъ относитъ такъ называемыя имъ интуитивныя, мыслительныя и рефлекторныя способности; къ третьей группѣ онъ причисляетъ нравственныя и религіозныя чувствованія; къ четвертой группѣ стремленія къ совершенствованію; пятая — названная имъ наклонность къ домовитости, состоитъ изъ любви къ дѣтямъ, къ семьѣ, наклонности къ дружбѣ, любви къ дому, къ отечеству и проч.; шестая группа, какъ и Шпурцгеймовская группа животныхъ наклонностей, опредѣляется Фаулеромъ терминомъ своекорыстныхъ наклонностей; къ седьмой группѣ Фаулеръ относитъ своекорыстныя чувствованія, причисляя къ нимъ осторожность, тщеславіе и самоуваженіе.

Изъ этого краткаго перечисленія ясно видно, что элементы, направленные къ ближнимъ и къ окружающему

міру, значительно преобладают надъ элементами эгоистическими.

39. Но неужели спросите вы, только тѣмъ счастливымъ, которые рождены съ соответствующими головами, доступно человѣческое счастье?

Отвѣтъ мой на это будетъ отрицательный.

40. Конечно, для бѣльшей убѣдительности, слѣдовало бы разобрать каждый органъ въ отдѣльности и ихъ отношенія къ счастью, но мы вышли бы изъ предѣловъ этой книги и потому я обращаю ваше вниманіе лишь на слѣдующее:

41. Прежде всего легко доказать, что именно въ средней человѣческой головѣ заключается наибольшее количество элементовъ для счастья и что счастье доступнѣе для большинства человѣческихъ существъ, чѣмъ для выдающихся, исключительныхъ личностей.

42. Гении и идіоты едва ли когда либо бываютъ счастливы. Гении имѣютъ нѣкоторые элементы слишкомъ высоко развитыми. Это—аномалія, соответствующая болѣзненному состоянію; съ другой стороны, идіоты представ-

ллютъ другую аномалію: не достаточнаго развитія всѣхъ элементовъ, что въ свою очередь соотвѣтствуетъ болѣзненному физическому безсилію.

43. Вообразите себѣ голову, въ которой всѣ элементы развиты въ средней человѣческой пропорціи и въ которой каждый элементъ, самъ по себѣ, развитъ въ пропорціи величайшаго изъ соотвѣтствующихъ гевіевъ.

Это будетъ идеальная голова, способная достигнуть почти безпредѣльнаго счастья.

Представьте себѣ человѣка, имѣющаго голову съ органами идеальности и возвышенности головы Шекспира, съ воспринимающими органами Дарвина, съ органами звука и ритма Бетховена и Моцарта, съ органами формы—Рафаэля, съ органомъ слова—Цицерона, съ наполеоновскою силою сосредоточенія, съ органами построенія нравствъ съ Архимедомъ, съ подражательностью Бина, съ причинностью Канта, съ юморомъ Свифта, съ благожелательностью Говарда и Нибоди;—и если вы такимъ образомъ будете имѣть всѣ эти высоко развитые органы въ пропорціи средней человѣческой головы, — вы будете имѣть идеальную голову.

Представленіе объ идеальной головѣ должно имѣть значеніе не только для даннаго предмета, но и для самой науки френологіи, такъ какъ одинъ изъ главныхъ тормазовъ ея движенія впередъ и существенное препятствіе къ развитію въ ней точныхъ наблюденій, заклю-

чается въ отсутствіи единицъ для измѣренія производимыхъ френологіею наблюденій; до сихъ поръ френологи, слѣдуя оцѣпью, владѣли поразительнымъ искусствомъ въ предсказаніяхъ и открытіяхъ равныхъ свойствъ характера въ наблюдаемыхъ ими индивидуумахъ. Но какъ и всякое искусство, приобретаемое долговременной практикой, дѣйствуетъ преимущественно безсознательно, а главное не оставляетъ никакихъ слѣдовъ для послѣдующихъ наблюдателей, то френологическія наблюденія не довели насъ еще до степени точно установленныхъ законовъ природы. Большая часть всѣхъ приведенныхъ мною примѣровъ можетъ быть легко реставрирована въ размѣрахъ и, въ то же время, средняя пропорція человѣческой головы можетъ быть также легко установлена, послѣдствіемъ чего получился бы предметъ для сравненія при всѣхъ послѣдующихъ наблюденіяхъ. Нѣкоторые опытные практики френологіи констатируютъ тотъ фактъ, что не всегда способности челоуѣка стоятъ въ прямой пропорціи съ размѣромъ различныхъ частей головы—и наблюденіе это несомнѣнно вѣрно, только не слѣдуетъ забывать, что разъ констатированъ фактъ локализаціи способностей, точныя наблюденія не замедлятъ указать намъ законы отклоненій, которыя были замѣчены наблюдателями. Принимая въ то же время этотъ фактъ во вниманіе, я думаю, что идеальная голова, построенная въ среднихъ пропорціяхъ, будетъ наивыгоднѣйшимъ предметомъ для сравненія, такъ какъ она представитъ собой не произвольную величину фута или аршина, которыми первоначально измѣрена вся земная поверхность, но изобразитъ метръ, укладывающійся въ земномъ діаметрѣ цѣльное число разъ.

44. Какъ во всемъ на свѣтѣ есть свои предѣлы, такъ и тутъ; но френологія доказала, что даже въ зрѣломъ возрастѣ, органы увеличиваются въ объемъ и размѣрахъ, если соответствующія имъ способности духа развиваются и вырабатываются.

Я говорю въ зрѣломъ возрастѣ, потому, что въ отношеніи къ дѣтямъ, обстоятельство это каждому хорошо извѣстно.

Много разъ мнѣ приходилось наблюдать надъ измѣненіями формы головы ребенка, въ зависимости отъ развитія соответствующихъ способностей; измѣненія эти происходили въ теченіи какихъ нибудь двухъ недѣль и были замѣтны даже неопытному глазу.

45. Сопоставимъ вышесказанное.

Философы всего свѣта и всѣхъ временъ, разбирая вопросы о нравственности, смѣшивали различныя вещи въ одно понятіе. Это объясняется стремленіемъ философовъ къ обобщенію. Въ сущности это есть вполне научное стремленіе. Но не слѣдуетъ однако забывать, что обобщеніе есть одинъ только изъ приемовъ науки, и что точно также важно различать и отдѣлять различные элементы одинъ отъ другаго.

46. Великій французскій мыслитель—Паскаль, говоритъ намъ въ своихъ письмахъ, что чѣмъ больше онъ думаетъ,

тѣмъ болѣе онъ убѣждается, что все, что дѣлаетъ человѣкъ въ своей жизни, онъ дѣлаетъ для себя; Паскаль приходитъ къ тому заключенію, что всякій человѣкъ по природѣ своей—свокорыстель (эгоистъ).

47. Нынѣ френологія доказала намъ, что своекорыстныя (эгоистическіе) элементы нашего духа занимаютъ только низшее, но не первенствующее мѣсто. Возможно ли дать лучшій отвѣтъ на ученіе пѣхъ философовъ о нравственномъ эгоизмѣ?

Признаемъ философию теоріи нравственнаго эгоизма, объясняется ихъ непониманіе основаній и сущности человѣческаго счастья.

Германскіе философы, строившіе свои теоріи на «долгъ», также не были въ состояніи понять счастья человѣчества.

Вышеизложенныя нами основанія и то опредѣленіе долга, которое будетъ дано впоследствии, показываютъ намъ, что долгъ, составляя положительный результатъ столкновенія желаній, есть въ то же время лишь отрицательный элементъ морали и составляетъ орудіе къ приведенію нашего духа въ гармонию, вслѣдствіе чего и не можетъ быть поставленъ въ основаніе системы этики. Придавать же долгу значеніе несоотвѣтствующее общему пониманію этого термина—также нѣтъ никакихъ основаній.

48. Повторяю, что только великіе поэты и люди, содѣй-

ствовавшіе развитію релігіозныхъ системъ въ мірѣ, въ дѣйствительности поняли великій вопросъ счастья человѣчества.

49. Нынѣ мы имѣемъ великую естественную науку, которая учитъ, что счастье человѣчества зависитъ отъ нравственности, и что средняя человѣческая голова способна къ наибольшему счастью, просто потому, что большинство элементовъ духа направлено къ ближнимъ и міру.

50. Вотъ истинное основаніе и причина счастья. Въ заключеніе я беру на себя смѣлость отстанвать слѣдующее положеніе:

«Возлюбн ближняго и міръ болѣе самого себя и ты будешь счастливъ».

51. Вы улыбнетесь и можетъ быть подумаете, что это правило совсѣмъ неисполнимо? Вы скажете, что вопль нравственный идеалъ будетъ удовлетворенъ, если вы любите ближняго какъ самого себя; но вы забыли міръ; прибавьте его и вы увидите, что я правъ.

52. Въдѣ во многихъ случаяхъ нашей жизни и въ наиболѣе важныхъ, мы любимъ нашего ближняго больше, чѣмъ

самого себя. Возьмемъ мать, пекущуюся о своихъ дѣтяхъ; ужели она не любитъ ихъ больше, чѣмъ самое себя? Я увѣренъ, что сердце ея отвѣтитъ утвердительно. А воинъ, жертвующій своею жизнью родиной? Не любитъ ли онъ ее больше самого себя?

Подумайте хорошенько надъ всѣмъ этимъ и я увѣренъ, что вы согласитесь со мною.

Чтобы яснѣе уразумѣть всю вышеизложенную систему, нужно противопоставить пути, которыми слѣдуютъ наши желанія при ихъ группировкѣ, тѣмъ путямъ, которыми составляются общія понятія. Последнія общаются отъ concreta и доходятъ до общихъ понятій, тогда какъ наши желанія группируются изъ элементовъ и интегрируются въ то, что мы называемъ серьезнымъ или важнымъ желаніемъ.

Этой интеграціей желаній легко объясняются всѣ психическіе моменты человѣческаго духа. То, что мы обыкновенно называемъ: *«я только одного желаю»* — представляетъ собою наибольшій интегралъ изъ всѣхъ однопериодныхъ интеграловъ желаній. Если мы начинаемъ вдуваться въ то, что мы называемъ — «одно желаніе» и разлагать такимъ образомъ это желаніе на его составныя элементы, то мы увидимъ ту массу отдѣльныхъ желаній, изъ которыхъ состоитъ разлагаемый нами интегралъ.

Возьмемъ примѣръ страстной любви; мы видимъ, что цѣлый рядъ желаній, касающихся блага любимаго предмета, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ идентификаціи своего я съ этимъ предметомъ, интегрируются иногда въ такое сильное желаніе, что если у индивидуума нѣтъ достаточной силы характера для интеграціи другихъ обязательныхъ элементовъ желаній, то вопросъ для него: быть

или не быть, обусловится только удовлетвореніемъ этого одного интеграла, заглушивъ все остальные его желанія.

53. Я утверждаю, что пѣтъ ни политической, ни религиозной партіи, которая бы не подтвердила сущности вышесказаннаго; язычникъ, какъ вѣрующій, магометанинъ, какъ браминъ или буддистъ, еврей, какъ христіанинъ, даже атеистъ, или наконецъ, кощунъ, все, раздѣлять такое возрѣніе.

54. Только философы могутъ возразить, что я не слѣдую путями ихъ различныхъ системъ, но это ни съ какой стороны не можетъ коснуться моего положенія и возражать имъ, въ настоящую минуту, не составляетъ моей цѣли. Этотъ предметъ можетъ быть выясненъ только литературнымъ обсужденіемъ и я готовъ отвѣтить каждому, кто обратится ко мнѣ съ вопросомъ по поводу теоріи, изложенной на предшествующихъ страницахъ. Я вполне увѣренъ, что послѣ достаточнаго обсужденія этой системы, въ ней не найдется ничего такого, что бы противорѣчало основнымъ началамъ всей философіи.

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ

ВЪ ОТНОШЕНИИ

КЪ ДЕНЬГАМЪ И БОГАТСТВУ.

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ

ВЪ ОТНОШЕНИИ КЪ ДЕНЬГАМЪ И БОГАТСТВУ.

1. Нѣтъ сомнѣнiя, что разработка предмета, на который я уже обратилъ ваше вниманiе, требуетъ дальнѣйшаго развитiя; но я полагаю, что данная мною формула счастья достаточно полна сама по себѣ и можетъ быть понята всѣми.

Было бы легко провѣрить эту формулу философски, но здѣсь нѣтъ надобности дѣлать этого.

Кто желаетъ расширить кругъ своихъ дѣлъ, тотъ беретъ за основанiе для себя цифры, данныя его бухгалтеромъ, считая ихъ достаточно вѣрными, чтобы не прибѣгать къ дальнѣйшей провѣркѣ. Кто желаетъ узнать разстоянiе между двумя какими нибудь звѣздами, тотъ справляется объ этомъ въ какомъ нибудь руководствѣ по астрономiи и исполнѣ удовлетворяется указанными въ немъ цифрами, не пытаясь провѣрить точности астрономиче-

скихъ вычисленій, на основаніи которыхъ опредѣлено это разстояніе.

Но какъ добросовѣстный бухгалтеръ или астрономъ не боится провѣрки ихъ цифръ, такъ и я не опасуюсь провѣрки моей системы философами. Напротивъ того, я былъ бы доволенъ всякому разбору или критикѣ; чѣмъ больше будутъ ее разбирать, тѣмъ яснѣе будетъ обнаруживаться заключающаяся въ ней истина. Я смѣло утверждаю: критикуйте систему и вы повѣрите ей.

2. Приступимъ теперь къ развитію примѣненій этой формулы по отношенію къ *деньгамъ и богатству*. Что такое деньги по отношенію къ счастью?

Они представляютъ собою только одно изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи средствъ для достиженія счастья:

1) Они даютъ намъ средства для удовлетворенія первыхъ потребностей.

2) Они даютъ намъ средства удовлетворять нашимъ требованіямъ роскоши по отношенію къ нашимъ физическимъ пуждамъ.

3) Они даютъ намъ средства удовлетворять, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наши нравственныя потребности, имѣющія отношенія къ нашимъ ближнимъ и къ окружающей природѣ.

Примѣры: При помощи денегъ вы можете удовлетворить первыя потребности многихъ лицъ.

Вы можете удовлетворить нравственныя потребности

вашихъ ближнихъ, давая имъ средства для обученія ихъ дѣтей.

Вы можете удовлетворить вашу любовь къ музыкѣ и пр.

Съ другой стороны, деньги однако не даютъ вамъ любви къ міру и вашимъ ближнимъ, какъ не даютъ вамъ желаній противу-эгоистичнаго характера, и удовлетворивъ до пресыщенія ваши своекорыстныя стремленія—служать источникомъ несчастья.

Вотъ почему я думаю, что деньги представляютъ только одно изъ средствъ для достиженія счастья и что ихъ еще не достаточно, чтобы дать вамъ идею богатства.

Подъ словомъ «деньги» я разумѣю то, что служить представителемъ производительнаго труда и права «перваго захвата», причемъ послѣднее такъ относится къ производительной силѣ, какъ линия къ поверхности.

Право «перваго захвата» представляетъ собою пространство въ одно мгновеніе времени, или поверхность, тогда какъ производительный трудъ и сила представляютъ время и пространство, или кубическій объемъ. Пропорція здѣсь будетъ така: футъ относится къ квадратному футу, какъ квадратный футъ относится къ кубическому футу.

До сихъ поръ политико-экономы всѣхъ направленій обращали вниманіе на опредѣленіе денегъ, богатства, капитала и проч. только съ одной точки зрѣнія прямыхъ взаимныхъ отношеній этихъ предметовъ; между тѣмъ, разбирая личную и общественную жизнь людей, съ точки зрѣнія теоріи счастья, нельзя упустить изъ виду отношенія этихъ предметовъ къ квинтъ-эссенціи жизненныхъ

вопросовъ. Этотъ односторонній взглядъ ученыхъ изъ области такъ называемыхъ нравственныхъ наукъ долженъ отражаться на самыхъ наукахъ неблагоприятнымъ образомъ. Если нравственная наука, при опредѣленіи своихъ основныхъ понятій, оставляетъ въ сторонѣ вопросы о человѣческой нравственности, то она не можетъ претендовать на общее признаніе своихъ положеній; а открывать путь (какъ говоритъ русская пословица), для всякаго молодца дѣйствовать на свой образецъ, — всегда и во всемъ опасно.

Нѣсколько не отступая отъ фактической стороны непосредственныхъ отношеній различныхъ элементовъ политической экономіи, мнѣ кажется не только возможно, но и должно освѣтить всѣ эти элементы съ точки зрѣнія основныхъ началъ человѣческой нравственности. Конечно, для этой цѣли мнѣ можетъ быть придется прибѣгнуть къ нѣкоторымъ новымъ группировкамъ и распространить нѣкоторыя изъ общихъ понятій политической экономіи на болѣе обширную сферу явленій, но я не думаю, чтобы это обстоятельство могло служить препятствіемъ съ какой бы то ни было стороны. Такъ, напр., подъ словомъ богатство я буду разумѣть нѣчто болѣе обширное, чѣмъ понятіе о денежномъ богатствѣ, которымъ задается политическая экономія.

Далѣе, въ настоящемъ §, я рѣшился сгруппировать понятіе о капиталѣ, составляющемъ представителя владѣнія съ понятіемъ о владѣніи вообще, употребивъ для этого терминъ: «право перваго захвата» (завладѣнія); затѣмъ часть того, что въ политической экономіи представляется подъ словомъ капиталъ, входитъ у меня въ понятіе о деньгахъ.

Въ этомъ-же § я высказалъ положеніе, что, право перваго захвата» относится къ производительной силѣ какъ

лишія къ поверхности, выяснилъ эту пропорцію сравненіемъ пераго — съ поверхностью въ одинъ моментъ времени, а втораго — съ слѣдомъ движенія этой поверхности во времени. Эта чисто апіористическая постановка оправдывается вполнѣ самымъ положеніемъ вещей, такъ какъ «право перваго захвата» или матеріальное богатство, оставаясь въ статическомъ положеніи и не приводимое въ движеніе производительною силою, осталось бы на дѣлѣ поверхности, не имѣющей толщины, и представляло бы собою фикцію, а не реальный предметъ.

3. Вообразите себѣ, что вы находитесь въ странѣ съ идеальпо-хорошимъ климатомъ и что вы окружены всеѣми вашими друзьями. Климатъ тамъ таковъ, что для васъ нужно очень мало нища, которую, всю, вы находите подъ рукой, такъ что вы располагаете множествомъ средствъ къ удовлетворенію вашихъ первыхъ потребностей. Друзья ваши съ вами и всеѣ ваши желанія по отношенію къ вашимъ ближнимъ и ко всему міру могутъ быть удовлетворены. Вашъ духъ при этомъ — почти идеальный духъ. Ваше счастье будетъ очень велико, почти безиредѣльно, и я думаю, что вы будете богаты, не имѣя можетъ быть ни гроша въ карманѣ.

«Богатство» представляетъ сумму всеѣхъ средствъ находящихся въ нашемъ распоряженіи для созданія счастья.

Мы упомянули до сихъ поръ только объ одномъ элементѣ богатства, а именно: о деньгахъ; перейдемъ теперь къ другимъ элементамъ и опредѣлимъ каждый отдѣльно.

Собственно говоря богатство опредѣлялось до сего времени политическою экономіею, выражаясь даже тѣмъ языкомъ, который принятъ нами въ настоящемъ трудѣ, какъ совокупность всѣхъ средствъ для созданія *довольства*; между тѣмъ въ предыдущей главѣ мы старались выяснитъ, что довольство представляетъ собою удовлетвореніе лишь своекорыстныхъ (эгоистическихъ) желаній личности. Не думаю, чтобы для нравственной науки было похвально становиться на точку зрѣнія одностороннихъ эгоистическихъ началъ и возводить въ идеаль такіе предметы, которые не стоятъ въ прямомъ отношеніи съ нравственными началами. Это-бы значило создавать въ средѣ нравственныхъ наукъ—особую науку для безнравственныхъ цѣлей, а между тѣмъ ни одинъ политико-экономъ не будетъ отрицать того, что богатство составляетъ конечную цѣль стремленій человѣчества въ сферѣ задачъ его науки. Вотъ почему я полагаю, что будетъ гораздо правильнѣе опредѣлить богатство какъ совокупность средствъ для созданія *счастья*, т. е. такого понятія, которое находится въ прямой связи со всѣми нравственными началами человѣчества.

«Мы бываемъ богаты или бѣдны», говоритъ Адамъ Смитъ, «смотря потому много или мало средствъ мы имѣемъ, чтобы доставить себѣ или другимъ удобства или удовольствія въ жизни».

Но послѣ такого общаго опредѣленія перифразированнаго нами въ этомъ примѣчаніи, онъ ограничиваетъ его понятіями о *цѣнностяхъ полезныхъ* и о *цѣнностяхъ мнѣновыхъ*. Дальнѣйшіе изслѣдователя, вертаясь все въ тѣхъ же поставленныхъ Адамомъ Смитомъ рамкахъ, и безуспѣшно стремясь выбраться изъ стуженнаго имъ понятія о богатствѣ, какъ о *совокупности мнѣновыхъ цѣнностей*,

создали цѣлый рядъ вопросовъ, которые никакъ не мирились даже съ непосредственными отношеніями вещей. Недостаточность объема того идеала, который поставленъ наукой, болѣе всего замѣчается въ произведеніяхъ Бастіа, который понявъ эту недостаточность въ опредѣленіяхъ Смята, стремится примирить ихъ съ болѣе широкой постановкой вопроса. Вводя понятіе о даровыхъ цѣнностяхъ, затронутое еще Ж. Б. Сэйемъ. Но несомнѣнно Бастіа упадетъ только въ рядъ противорѣчій, а Сэй создаетъ рядъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. Изъ всѣхъ этихъ безконечныхъ споровъ выясняется слѣдующее: первое, великая послѣдовательность гения Смята, котораго опредѣленія сами по себѣ не допускаютъ поправокъ, а требуютъ лишь болѣе полного разясненія; второе — уасть поставленныхъ въ основаніе науки идеаловъ и третье — необходимость для нравственныхъ наукъ выводить свои аксіомы не изъ прямыхъ взаимныхъ отношеній предметовъ между собой (отношеній могущихъ служить не основными, по вспомогательными принципами), а задаваться идеалами допускающими аксіомы подобны аксіомамъ математическимъ, которыя обнимаютъ собою не случайныя, временныя и условныя отношенія предметовъ, а законобѣрные, непререборимыя основы чловѣческаго духа.

4. Второй элементъ богатства есть — *время*, находящееся въ нашемъ распоряженіи для развитія нашихъ способностей и пользованія ими. Если вы поступаете такъ, чтобы для удовлетворенія вашихъ первыхъ потребностей — тратить мало денегъ; тогда вы можете употреблять ваше время на удовлетвореніе вашихъ желаній, хотя бы ихъ

было много. Если время—деньги, то мы можемъ сказать, въ известномъ смыслѣ, что и «деньги — время».

Деньги могутъ дать намъ время для развитія и употребленія нашихъ способностей.

Безъ всякаго сомнѣнiя время для личности, не обладающей гармоничнымъ духомъ, можетъ дѣйствовать отрицательно на ея счастье, т. е. создавать несчастье посредствомъ пресыщенiя, совершенно въ томъ же родѣ, какъ мы видѣли въ § 2, что и деньги могутъ служить источникомъ несчастья, удовлетворяя до пресыщенiя личныя желанiя индивидуума. Однако это обстоятельство не можетъ помѣшать признать время, находящееся въ распоряженiи личности, за средство еще большее для созданiя счастья, нежели деньги.

5. Затѣмъ первенствующимъ элементомъ богатства является совокупность всѣхъ элементовъ нашего духа, хорошо уравнившихся.

Эта мысль выражена въ англiйской пословицѣ:

«Удовлетворенный духъ—есть вѣчный праздникъ». (A contented mind is a continual feast).

Въ § 41 первой главы было сказано, что наибольшее количество элементовъ для счастья находится въ средней человеческой головѣ.

Бельгiйскiй статистикъ Кетлэ доказалъ цифрами, что средняя пропорцiя различныхъ частей человеческого тѣла почти та же, какую мы видимъ въ величайшихъ изъ греческихъ статуй (Аполлона и друг.).

Спрашивается, имѣемъ-ли мы право утверждать, что

средняя пропорція элементовъ челоѳческаго духа стремится къ идеалу и какое заключеніе можно вывести изъ приведеннаго выше?

Только одно, а именно: что средній челоѳкъ богатъ, а не бѣденъ.

Все опредѣленія политико-экономовъ исходили изъ общества и исходили къ личности; мнѣ кажется правильнѣе сдѣлать это наоборотъ, т. е. восходить отъ личности къ обществу. Причина этого радикальнаго различія лежитъ въ томъ, что политическая экономія создавая свои законы изученіемъ прямыхъ, непосредственныхъ отношеній вещей, должна была начинать отъ готовыхъ факторовъ путемъ анализа, мы же стремимся синтезировать законы общества и всѣхъ отношеній исходя изъ законовъ челоѳческаго духа. Если-бы мнѣ возразили: что законы челоѳческаго духа не на столько намъ извѣстны, чтобы рискнуть на синтезъ или, что пути синтеза и анализа не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга, то на первое возраженіе я бы отвѣтилъ: что тысячелѣтняя опытность челоѳчества вполне оправдываетъ попытку синтезировать, а на второе, что хотя анализъ и предшествуетъ синтезу, но наука не должна забывать, что пока она ограничивается однимъ анализомъ, ее не существуетъ, а только накапливается матеріалъ для ея созданія; пора-же перейти отъ груды накопленнаго матеріала къ положеніямъ, т. е. къ наукѣ.

6. До сихъ поръ мы имѣли дѣло только съ положительнымъ элементомъ богатства, тогда какъ намъ нужны

также весьма много отрицательные элементы для усиленія и обезпеченія первыхъ.

Первый отрицательный элементъ богатства есть способность сдерживать наши желанія въ гармоніи со все́мъ нашимъ духомъ. Намъ не пужно разъяснять эту формулу. Всякій это можетъ сдѣлать самъ.

Второй родъ сдерживающихъ элементовъ, т. е. элементовъ богатства, служитъ къ приведенію насъ въ гармонію съ нашими ближними, и третій—приводить наши желанія въ гармонію съ окружающими миромъ и обстоятельствами вообще.

Изъ этого параграфа видно, что сдерживающіе элементы могутъ возстановлять равновѣсіе въ случаяхъ отсутствія тѣхъ или другихъ средствъ къ обезпеченію богатства.

Въ то же время весьма легко можно опредѣлить идею долга.

Долгъ есть обязательное количество сдерживающихъ элементовъ въ желаніяхъ каждой личности, вмѣстѣ съ достаточнымъ количествомъ способности сосредоточенія для опредѣленія и направленія нашихъ желаній къ правдивнымъ цѣлямъ.

И такъ, кромѣ трехъ родовъ положительныхъ средствъ для созданія богатства, мы еще обладаемъ тремя родами отрицательныхъ элементовъ богатства, причемъ все эти три рода элементовъ присущи нашимъ способностямъ, изъ чего слѣдуетъ, что богатство стоитъ въ болѣеи зависимости отъ нашего духа, чѣмъ отъ внѣшнихъ условій жизни.

Въ настоящемъ §, говоря объ отрицательныхъ элементахъ богатства, я опредѣлилъ понятіе о долгѣ, хотя мѣсто для этого опредѣленія и было уже приготовлено въ 1-й главѣ этого труда (§ 26), но здѣсь, послѣ выясненія понятія о богатствѣ, это опредѣленіе можетъ быть понято полнѣе.

7. Разсмотримъ теперь, что такое «удовольствіе» и въ какомъ отношеніи оно стоить къ этой системѣ.

Удовольствіе есть совокупность моментовъ времени, въ которые мы забываемъ неприятныя обстоятельства въ жизни, т. е. обстоятельства, при которыхъ различныя положительныя и отрицательныя желанія, а также разные элементы богатства не хорошо уравновѣшены.

Могутъ замѣтить, что настоящее опредѣленіе удовольствія не полно, что оно заключаетъ въ себѣ лишь отрицательную сторону этого психическаго акта, между тѣмъ, какъ повидимому оно представляется положительнымъ психическимъ состояніемъ. Это замѣчаніе было бы вполнѣ справедливо если бы подъ этимъ опредѣленіемъ ничего не подразумѣвалось; но всякій согласится со мною, что въ моменты нашей жизни, въ которыхъ отсутствуетъ сознаніе или даже чувствованіе неприятныхъ обстоятельствъ жизни, самая жизнь не только существуетъ, но, дѣйствуя безпрепятственно, проявляется во всей своей полнотѣ; вотъ почему устраните вы неприятныя обстоятельства и жизнь поворачивается къ вамъ лицомъ, т. е. другими словами *жизнь* сама въ себѣ есть «удовольствіе», затмѣяемое неприятными обстоятельствами. Жизнь есть «благо», говорили всѣ комментаторы религіозныхъ міросозерцаній и поэты. Въ силу этихъ соображеній я считаю опредѣленіе

удовольствіи полнымъ, хотя въ немъ и перечислена лишь отрицательная сторона акта.

8. Мы разобрали до слухъ нору отношеніе нашей теоріи только къ личности, теперь же рассмотримъ ее въ отношеніи къ обществу.

Общество есть совокупность личностей, у которыхъ наибольшее количество желаній сходны между собой.

Если бы наши безсознательныя желанія поднимались на поверхность каждаго духа въ одинаковомъ направленіи, то общество дѣйствовало бы въ одномъ направленіи. Оно было бы сильно, и всѣ общественные элементы были бы счастливѣе, чѣмъ въ противоположномъ случаѣ.

Но хотя общество и связано сходными желаніями, предположимъ однако, что всякая личность, изъ состава этого общества, объясняетъ себя и понимаетъ собственныя желанія иначе, чѣмъ большая часть его ближнихъ, и согласно своимъ собственнымъ видамъ. Тогда въ каждомъ вопросѣ относимся къ обществу, должны существовать различныя мнѣнія и всякая личность обнаружить свои взгляды и опредѣлить для себя свой образъ дѣйствій, создавая такимъ образомъ свою собственную партію.

Каковъ же будетъ тогда результатъ?

Каждый будетъ имѣть свое собственное мнѣніе, предпочитая его передъ всѣми другими; но такъ какъ общество не можетъ въ одно и то же время слѣдовать по различнымъ направленіямъ, то произойдутъ несомнѣемые

препія между личностями, составляющими общество, о пути, который слѣдовало бы избрать въ будущемъ вопросѣ.

Изъ всѣхъ опредѣленій, которыя давались мыслителями понятію объ обществѣ, наибольшимъ правомъ гражданства пользуется опредѣленіе общества, сдѣланное Руссо. Послѣдній прибѣгаетъ къ фкціи договора для выясненія отношеній между личностями, составляющими общество. Трудно собѣ представить, какую надобность находили мыслители въ созданіи этой фкціи. Разбирал исторію образованія обществъ, мы нигдѣ не находимъ слѣдовъ договора.

А между тѣмъ изъ той же исторіи воображаемаго первобытнаго общества черпали мыслители свои понятія при созданіи этого опредѣленія.

Причинную связь личностей въ общество это опредѣленіе несколько не объясняетъ; болѣе того, обязательное отношеніе членовъ общества совершенно исчезаетъ, если принять вышеизложенное опредѣленіе, такъ какъ никто не можетъ доказать обязательность выполненія для лица предполагаемаго, но не существующаго договора; между тѣмъ, принимая въ соображеніе причинную связь общества желаніями и присоединяя къ этому понятію фактъ невозможности правственнаго существованія личности внѣ общества, для насъ станутъ ясными обязательность и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжность общественнаго строя.

Мы видимъ, что понятія, лежащія въ основаніи опредѣленія Руссо, коренятся еще въ произведеніяхъ Монтеस्कѣ, затѣмъ они формулированы были въ «Общественномъ договорѣ» (*contrat social*) Ж. Ж. Руссо, и далѣе развиты, хотя съ другихъ точекъ зрѣнія, Эммануиломъ Кантомъ въ его «*Naturrecht*». Хотя Кантъ и его послѣдователи при-

ходили къ совершенно инымъ выводамъ, и опредѣленіе Руссо дальнѣйшими писателями переносится съ общества на государство, но несомнѣнно, что начало *раздора* по-сѣянное писателями XVIII столѣтія, не замѣчено пачаломъ *примиренія* наукою XIX столѣтія что и должно быть ея задачею.

9. Мы сдѣлали невѣроятное предположеніе, что всякій членъ общества имѣетъ по каждому вопросу свое отдѣльное мнѣніе. Въ дѣйствительности, многія личности имѣютъ по извѣстнымъ вопросамъ одинаковыя мнѣнія; такія группы людей составляютъ въ вопросахъ общественныхъ—политическія партіи.

Ясно, что всѣ партіи имѣютъ въ виду одну общую цѣль; онѣ разнятся лишь выборомъ средствъ къ ея осуществленію.

Въ каждой партіи можно предполагать существованіе личностей, желающихъ проводить свои собственные личныя цѣли; но партіи вообще добросовѣстны и добросовѣстно стремятся къ осуществленію своихъ задачъ. Допустить противное было бы въ противорѣчій съ основными законами нашего духа.

Всѣ историческіе факты доказываютъ намъ, что партія, какъ цѣлое, — добросовѣстна.

Бываютъ на свѣтѣ вещи, которыхъ никто не отрицаетъ, болѣе того, которыя всѣми признаются, но не смотря на то, мы не руководствуемся ни въ нашихъ размышленіяхъ, ни въ своихъ дѣйствіяхъ сознаніемъ спра-

ведливости этихъ вещей. Таково, напр., положеніе высказанное нами въ этомъ §, что партія, какъ цѣлое, думаетъ и поступаетъ добросовѣстно. Кто можетъ усомниться въ справедливости этого положенія?—А между тѣмъ во всѣхъ борьбахъ партій мы видимъ ожесточеніе, которое можетъ быть объявлено, только тѣмъ предположеніемъ, что противникъ признаетъ добросовѣстность лишь своихъ убѣжденій, отрицая ее въ то же время у другаго. Исторія до такой степени полна примѣрами этихъ отношеній, что представляется совершенно излишнимъ приводить ихъ.

10. Когда политическія и социальныя науки утвердятся на точныхъ математическихъ основаніяхъ, тогда прекратится раздѣленіе общества на партіи; до того времени, это раздѣленіе мѣстнѣй по второстепеннымъ вопросамъ общественной жизни не только возможно, но и желательно, такъ какъ изъ столкновенія мѣстнѣй вытекаетъ истина.

Но если партіи расходятся въ главныхъ, основныхъ вопросахъ общественной жизни, то это смѣшеніе основныхъ цѣлей жизни съ производными доказываетъ, что партіи смѣшали свои собственныя цѣли съ цѣлями націй и человѣчества. Это:

ОШИБКИ И НЕДОРАЗУМѢНІЯ.

11. Разберитъ исторію человѣчества съ этой точки зрѣнія и вы увидите, что всѣ несчастія человѣчества легко объясняются этимъ смѣшеніемъ.

Это «*пропасти*», которыя разсѣяны по исторіи человѣчества и въ которыя оступается человѣчество въ пѣкоторые періоды своей жизни.

Но исторія не *пропасть*.

Она скорѣе можетъ быть сравнена съ зеленымъ, цвѣтущимъ лугомъ, на которомъ, мѣстами, зялютъ пропасти *ошибокъ и недоразумній*.

Стайте на эту точку зрѣнія и вы, какъ съ вершины горы, увидите подъ вашими ногами ясную и широкую картину исторіи.

И такъ въ жизни человѣческихъ обществъ ошибки и недоразумѣнія составляютъ элементы ихъ несчастья, а даже сказали-бы, что онѣ составляютъ главные, почти единственные элементы несчастья человѣчества.

Были нѣкоторые культуръ-историки, которые пытались доказать, что вся исторія среднихъ вѣковъ представляетъ собою побѣду зла надъ добромъ; что по всей исторіи зло составляетъ преобладающій элементъ, что «добро» — это мечтательность (*Schwermerie*), но это направленіе по своей очевидной лживости и легкости своего отношенія къ изслѣдованію причинъ и слѣдствій, не смотря на талантливость своего представителя (Гельвальдъ, Исторія культуры), не нашло себѣ послѣдователей. Гораздо болѣе правъ гражданства пріобрѣло направленіе историковъ цивилизаціи, разсматривающихъ человѣческую жизнь какъ механизмъ мертвой природы и ищущихъ открыть законы этого механизма съ истинно-восточнымъ рвеніемъ фаталистовъ; таковы Бекль, и многіе другіе. Подъ впечатлѣніемъ выносимымъ читателемъ изъ этихъ источниковъ, исторія человѣчества

представляется въ видѣ безконечнаго ряда глубостей. И тутъ, какъ и въ вопросахъ нравственныхъ, мы получаемъ точку опоры у великихъ знатоковъ челоѳческаго сердца, которые, возстановляя передъ нами великихъ историческихъ дѣятелей и облакая ихъ въ форму живыхъ людей, даютъ намъ возможность глубоко заглянуть въ смыслъ челоѳческой исторіи. Таковы великія историческія художественныя произведенія: Шекспира, Шиллера, Лессинга, Виктора Гюго, Льва и Алексѣя Толстыхъ и многихъ другихъ.

Викторъ Гюго въ своей безсмертной драмѣ Торквемадо изобразилъ намъ великаго инквизитора, въ которомъ, кромѣ злобы, исторія намъ ничего не открываетъ; между тѣмъ подъ перомъ этого знатока челоѳческаго сердца мы видимъ въ этомъ типѣ безконечную преданность благу людей заблудшагося ума. Въ сценѣ съ пустынноикомъ, въ которомъ воплотилось истинное ученіе Христа, мы имѣемъ характеристику всѣхъ среднихъ вѣковъ и понимаемъ, не будучи принуждены прибѣгать къ гипотезѣ зла, какимъ образомъ ученіе Христа могло выродиться въ исторію среднихъ вѣковъ. Въ типѣ Юанна Грознаго, какъ намъ показываетъ гр. Алексѣй Толстой въ романѣ князь Серебряный, мы видимъ, до какой степени правъ былъ русскій народъ, присоединивъ къ этому государю прозвание Грознаго, по не Ужаснаго (*le Terrible*), какъ прозвалъ онъ на Западѣ. Много глубокомысленной, хотя аллегорической философіи исторіи мы встрѣчаемъ въ рассказѣ Карамзова о великомъ инквизиторѣ въ братьяхъ Карамзовыхъ.

12. Возможно-ли устранить эти ошибки и недоразумѣнія?—Мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно,

такъ какъ мы видимъ, что онѣ лежатъ въ насъ, въ глубинѣ нашего духа.

И такъ, отъ насъ зависитъ устранить ошибки и недоразумѣнія, а съ устраненіемъ ихъ рухнуть стѣны, раздѣляющія человѣчество и мѣшающія его счастью.

13. Вы можете быть спросите: возможно-ли счастье отдѣльныхъ личностей безъ счастья общественнаго? На это я отвѣчу:—докажите мнѣ, что не такую теорію счастья проповѣдывали всѣ религіи, что не ею вдохновлялись поэты. И если вы не будете въ состояніи доказать, то должны будете признать со мной, что *счастье личности невозможно безъ счастья общественнаго*.

Соединяемъ-же наши усилія въ стремленіи къ великому предназначенію и цѣли нашего бытія, и мы будемъ достаточно сильны, чтобы достигнуть всеобщаго счастья.

Единеніе есть сила!

(L'union fait la force!).

Положеніе, что *счастье личности невозможно безъ счастья общественнаго* я высказываю какъ истину сознанную всѣми, но я не считаю ее паравнѣ съ аксіомами, не требующими никакихъ доказательствъ. Я признаю, что справедливость этого положенія общезвѣстна, но по моему оно не настолько прочувствовано, чтобы быть сознаннымъ во всемъ своемъ объемѣ. Вотъ почему, а также и въ виду важности этого положенія для всей излагаемой системы, я разовью его въ слѣдующемъ трудѣ упомянутомъ мною въ примѣчаніи къ предисловію къ русскому изданію. Тогда я

надѣюсь, что всѣ сомнѣнія, которыя могутъ возникнуть въ головѣ читателя въ отношеніи къ теоріи счастья будутъ устранены сами собою.

14. Я говорилъ о средствахъ къ обезпеченію счастья отдѣльной личности. Теперь посмотримъ, что обезпечиваетъ общественное счастье.

Страховой полисъ на счастье выдаетъ намъ государственное устройство нашей страны. Чѣмъ лучше организація этого устройства, тѣмъ за большую сумму застраховано наше счастье.

Тѣмъ не менѣе, даже плохое государственное устройство даетъ намъ болѣе счастья, чѣмъ отсутствіе порядка. Такииъ образомъ, разрушить устройство, значить съжечь страховой полисъ общественнаго и индивидуальнаго счастья.

Въ 12 и 14 §§ были высказаны рядъ положеній, имѣющихъ за собою, какъ и нѣкоторыя положенія, высказанныя раньше, характеръ аксіомъ, а между тѣмъ не только отдѣльныя личности, но и цѣлыя группы лицъ, болѣе того — выдающіеся мыслители, забываютъ объ этихъ аксіомахъ.

15. Конечно дурное государственное устройство можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиною многихъ индивидуальныхъ и общественныхъ несчастій.

Но не въ дурныхъ государственныхъ устройствахъ заключаются «пропасти» исторіи; это только «овраги», чрезъ которые легко перескочить.

«Пропасти» исторіи наполнены «ошибками и недоразумѣніями», возстающими изъ глубины нашего духа, устранить которыхъ никто намъ не мѣшаетъ.

Поставьте себя въ положеніе правителя. Требуйте отъ него только возможнаго. Помогайте ему и онъ вамъ поможетъ. Опъ долженъ поступить такъ, если вы открываете ему истину. Истина—очевидна. Если кто нибудь васъ не пойметъ, то будьте увѣрены, что и вы недостаточно понимаете сами себя.

16. Но вы спросите: неужели я забылъ о пауперизмѣ, и возможно-ли чтобы я не считалъ пауперизма стѣной, отдѣляющей насъ отъ общественнаго и индивидуальнаго счастья? Я отвѣчу вамъ: что если бы это было такъ, то въ развитіи моей теоріи я впасть-бы въ грубую ошибку.

17. Я обращаю ваше вниманіе на теорію Мальтуса, доказывающаго цифрами, что пауперизмъ есть историческій законъ. Будучи страстнымъ поклонникомъ цифръ и статистики, я все-таки скажу, что въ приложеніи ихъ къ чловѣческому духу нужна большая осмотрительность въ выводѣ изъ нихъ заключеній.

Я считаю болѣе чѣмъ рискованнымъ основывать общіе законы исторіи чловѣческаго духа на краткихъ періодахъ времени.

Мальтусъ былъ-бы правъ, если-бы говорилъ о неодо-

шевленной природѣ, для которой и короткій періодъ представить достаточно данныхъ къ предсказанію ея будущаго.

Но громадная ошибка его заключалась въ томъ, что онъ забылъ о вліяніи человѣческаго духа на неодушевленную природу.

Чтобы опровергнуть теорію Мальтуса я вамъ скажу слѣдующее: не далеко то время, когда неорганическая природа будетъ утилизоваться для человѣческой пищи. Наука уже стучится въ дверь этого открытія! Да и безъ этого открытія, человѣческій духъ откроетъ намъ множество средствъ къ опроверженію въ корнѣ теоріи Мальтуса.

Статистика показываетъ намъ, что число лицъ, осужденныхъ за извѣстныя преступленія, повторяется, изъ года въ годъ, съ неуклонною правильностью. Что доказываютъ эти цифры? Они служатъ термометрическимъ указателемъ нравственнаго состоянія общества за извѣстный періодъ времени, но было-бы нелѣпо заключать изъ этихъ цифръ, что неизбѣжный законъ природы влечетъ общество къ извѣстной пропорціи безнравственныхъ дѣяній, пропорціи, стремиться нарушить которую, то-же, что обойти законъ природы. Такъ-же нелѣпо заключать по средней температурѣ вимнихъ мѣсяцевъ о температурѣ лѣта, какъ нелѣпо, основываясь на статистическихъ данныхъ, довѣрять теоріи Мальтуса. Еще возможно было-бы согласиться съ этой теоріей, какъ съ естественно-научнымъ закономъ развитія народонаселенія, но прилагать ту часть ея, которая говоритъ объ пропорціи увеличенія жизненныхъ средствъ—къ будущему, крайне не основательно.

18. Но это только отрицательная сторона, обратимся теперь къ положительной. Мы уже видѣли, что «право перваго захвата» (завладѣнія) относится къ производительной силѣ, какъ линія къ поверхности, или какъ площадь къ кубу.

Какой первый выводъ изъ этой формулы?—тотъ, что денежное богатство человѣчества зависитъ прежде всего отъ производительной силы, находящейся въ его распоряженіи. Физическая производительная сила человѣчества—это его мускульная сила. Умственная производительная сила—есть приложеніе силъ природы къ производству. До конца XVIII-го столѣтія человѣчество пользовалось главнымъ образомъ своею физическою производительною силою. XIX-ый вѣкъ доказалъ намъ, что отношеніе физическихъ производительныхъ силъ къ умственнымъ приближается къ отношенію линіи къ поверхности, и теоретически мы знаемъ, что безъ мускульной силы можно почти совсѣмъ обойтись.

Въ настоящее время механика даетъ намъ средства производить всѣ работы, за исключеніемъ художественныхъ произведеній, автоматическимъ путемъ; если иногда мы не пользуемся послѣднимъ путемъ для производства, то лишь вслѣдствіе болышой дороговизны этой работы по сравненію съ мускульной. Электродинамика сдѣлала въ послѣднія 15 лѣтъ такіе громадныя успѣхи, что при болѣе дешевой механической силѣ мы не затруднились бы придумать механизмъ, который бы исполнялъ всѣ необходимыя работы, не требуя болыпаго мускульнаго усилія, чѣмъ при игрѣ на фортепіано.

19. При всемъ томъ, сила природы еще дорога; примѣненіе ея составляетъ вопросъ экономическій, такъ какъ въ нашихъ машинныхъ топкахъ, мы пользуемся отъ 5 до 12% дѣйствительной силы, получаемой отъ сжиганія угля, и примѣняемъ только силы, имѣющія прямое отношеніе къ силамъ природы, на которыя кто нибудь, ранѣе, простеръ право «перваго захвата».

Природа, однако, обладаетъ безграничнымъ количествомъ силъ, достаточныхъ для доведенія денежнаго богатства всѣхъ и каждая въ отдѣльности до предѣловъ наибольшаго изъ теперешнихъ состояній.

Эти силы еще не подверглись «первому захвату» и никогда не подвергнутся. Только націи имѣютъ на нихъ это право. Для примѣра укажу вамъ на гигантскую силу прилива и отлива, могущую служить двигателемъ. Какъ мало стоила бы эта сила! Между тѣмъ она безгранична!

Возьмите силу солнца; до сего времени мы знаемъ и оцѣниваемъ только одну сторону этой силы — дающую жизнь, тогда какъ она можетъ быть употреблена какъ движущая сила. Я знаю нѣсколько произведенныхъ съ этою цѣлью опытовъ.

Одинъ опытъ сдѣланъ былъ десять лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ. Концентрированные лучи солнца, направленные на котель, содѣйствовали, какъ топливо, къ образованію пара, приводившаго въ дѣйствіе механизмъ машины. Результатъ не зависѣлъ отъ непрерывности солнечнаго освѣщенія, но получался при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ.

Георгъ Стэфенсонъ, сидѣвшій съ своими друзьями передъ пылавшимъ каминомъ и долго молчавшій, вдругъ воскликнулъ: — «Вотъ запасъ солнца, закупоренный въ бутылки!»

И сколько такихъ даровыхъ запасовъ могли-бы мы получить!

Въ настоящее время поступательное движеніе электродинамики остановилось на выработкѣ конденсаторовъ и аккумуляторовъ силы. Извѣстные до сего аппараты для конденсаціи электричества далеко не удовлетворяютъ потребности и нѣтъ никакого сомнѣнія, что если техника сознаетъ еще болѣе, чѣмъ теперь, всю важность этого вопроса, то аппаратъ не замедлитъ появиться. Одно это изобрѣтеніе сразу расширитъ до безпредѣльности производительныя силы, которыми мы можемъ пользоваться. Не говоря уже о силѣ прилива и отлива, я укажу на силу водопадовъ, изъ коихъ одна Канадская Ніагара даетъ силу большую, чѣмъ весь ежегодно сжигаемый въ мірѣ уголь.

Для массы цѣлей мы употребляемъ столь постоянный и точный конденсаторъ силъ, какъ представляющійся въ пружинѣ, между тѣмъ по страшному недоразумѣнію пружину пробовали употреблять какъ двигатель въ паровозахъ, траги для сего силу пара, что, разумеется, оказалось невыгоднымъ.

20. Какой-же выводъ изъ всего этого?

Природа не преграждаетъ намъ пути къ человѣческому счастью, она всегда къ нашимъ услугамъ и отъ насъ самихъ зависитъ воспользоваться ими.

Умѣстны-ли послѣ этого препирательства при дѣлежѣ матеріальныхъ наслѣдій прошлаго!

Умственныя богатства, наслѣдованныя нами, составляютъ общее достояніе. Они гигантски велики и превосходятъ въ миллионы разъ денежныя богатства, полученныя некоторыми изъ насъ отъ своихъ предковъ!

21. Нашъ настоятельный долгъ — понимать другъ друга; въ пониманіи — сила, ибо оно создаетъ единеніе.

И такъ, пойдемъ другъ друга! — Соединимся! и впередъ для счастья человѣчества!

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ

ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІИ

КЪ СОБСТВЕННОСТИ

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ

ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІИ КЪ СОБСТВЕННОСТИ.

1. Мы разбирали до сихъ поръ только три различные элемента богатства, т. е.—деньги, время и духъ. Очевидно, что въ понятіи о деньгахъ заключается только одинъ родъ средствъ къ достиженію богатства и при опредѣленіи денегъ, мы назвали ихъ представителемъ *производительной силы и права «перваго захвата»* (завладѣнія). Вы увидите, что въ нашемъ опредѣленіи содержится полное понятіе о собственности частной и всякой другой.

Далѣе, мы видимъ, что деньги могутъ представлять собой не только денежную наличность, но также товары, имущество и «природу», взятую во владѣніе.

Только въ послѣднее время деньги получали такое важ-

ное значеніе въ нашей экономической жизни, что мы легко можемъ перевести на нихъ разнаго рода «*права на предметы*».

2. Вы, какъ личность, или нація, можете купить все, представляющее собою часть «природы», какъ можете взять въ наемъ, на извѣстный періодъ, производительную силу—умственную или физическую.

Еще недавно націи, какъ и отдѣльныя личности, могли не только панимать, но и покупать такую производительную силу (я разумѣю—рабство). Въ настоящее время, деньги представляютъ наемную плату за силу и этотъ наемъ ограниченъ соотвѣтствующими законами.

3. Чтобы отдѣлать деньги, какъ представительную форму, отъ товара, имущества и природы, что въ совокупности съ деньгами составитъ только одинъ элементъ богатства, мы имѣемъ въ природѣ аналогичное раздѣленіе ее: на одушевленную и неодушевленную. Такимъ образомъ двѣ группы, о которыхъ мы говорили въ предшествовавшей главѣ, могутъ быть раздѣлены на—одушевленные элементы, то есть деньги и неодушевленные элементы, какъ товары, имущество и «природа» во владѣніи, которые вмѣстѣ взяты обозначаются словомъ: «собственность». И такъ одушевленная собственность есть деньги и неодушевленная собственность: товары, имущество и «природа» во владѣніи.

По этому опредѣленію деньги, составляя неодушевленный предметъ, являются одушевленной собственностью, между тѣмъ какъ принадлежація намъ животныя, будучи одушевленными предметами, составляютъ неодушевленную собственность. Эта звуковая несоответственность не можетъ однако помѣшать намъ установить эту классификацію, такъ какъ выгоды, даваемыя ею для всѣхъ дальнѣйшихъ обращеній политической экономіи съ этими терминами, вполне окупаютъ нѣкоторую звуковую несоответственность этой терминологіи. Во всякой терминологіи и классификаціи важно, чтобы группироваемыя подъ одно общее понятіе предметы имѣли по возможности большее количество и притомъ наиболѣе существенныхъ общихъ признаковъ; несоблюденіе этого правила при классификаціи всегда невыгодно отражается на наукѣ.

4. Теперь мы должны рассмотреть до какой степени время и духъ могутъ входить въ понятіе о собственности.

Я говорю: что ни то, ни другое не можетъ представлять собою собственности, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова.

Вы, для себя и въ себѣ не можете быть объектомъ собственности, такъ какъ ваше я и ваше время представляютъ собою субъектъ.

5. Отъ опредѣленія собственности, перейдемъ теперь къ ея раздѣленію на одушевленную и неодушевленную и притомъ въ ея отношеніи къ счастью отдельной личности и цѣлаго общества.

Илагаемый здѣсь рядъ опредѣленій до такой степени странно звучитъ въ ухахъ всякаго знакомаго съ современной наукой политическою экономіею, что обязываетъ меня, если не возстановить полную связь моихъ опредѣленій съ принятыми политическою экономіею, то по крайней мѣрѣ указать на источники этихъ различій, обративъ вниманіе читателя на исторію наукъ.

Великій основатель современной науки политическою экономіею *Адамъ Смитъ* прежде написанія своего безсмертнаго труда «Исслѣдованіе природы и причинъ народнаго богатства», былъ профессоромъ нравственной философіи въ Глазговскомъ университетѣ. Сочувствіе и симпатію онъ ставилъ кореннымъ основаніемъ человѣческой нравственности. Во всемъ курсѣ своей нравственной философіи онъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ отношеніе этики къ общественному строю; но, однако, не смотря на конкретность, и если можно такъ выразиться, красоту его этическихъ позрѣній, отсутствіе глубины въ пониманіи имъ началъ добра повліяло на всѣ его дальнѣйшія позрѣнія. Такъ, еще въ 4 отдѣлѣ своего курса нравственной философіи, онъ выдѣляетъ цѣлый отдѣлъ политическихъ учрежденій, какъ основанныхъ не на понятіи о правѣ а на принципахъ приспособленія; въ отдѣлѣ этотъ вопля большая часть области политической экономіи, которая такимъ образомъ отщенилась отъ этики. Частію это отщепенство можетъ быть объяснено положительными стремленіями этого великаго ума, находившагося подъ сильнымъ вліяніемъ великаго отрицательнаго гения Юма.

Дальнѣйшіе послѣдователи Адама Смита шли въ своихъ разработкахъ по его стопамъ; они пробовали иногда подтянуть его начала къ началамъ этики (*Жанъ Батистъ Сэй*, *Ричардо*, *Мальтусъ* и др.); но строй идей и опредѣленій за-

ложенный столь сильнымъ умомъ, какъ умъ Смита, не допускалъ ни-какихъ разногласій и созданная имъ паука не могла выбраться изъ сферы простыхъ взаимныхъ отношеній различныхъ элементовъ между собой, безъ прямой связи съ этическимъ началомъ общественнаго строя.

Въ нашей теоріи мы дали опирное мѣсто личности, или другими словами, каждая личность въ ней представляетъ собою отдѣльный міръ. Въ то же время, однако, мы видимъ, что счастье личности стоитъ въ такой тѣсной связи съ счастьемъ общества, что личность безъ общества можетъ быть представлена нами только какъ теоретическій случай.

Если мы будемъ изслѣдовать личность внѣ ея отношеній къ обществу, мы будемъ принуждены выдѣлять изъ нея главнѣйшіе элементы ея счастья и тогда, хотя за нею и останется ея физическая жизнь, но она будетъ вынуждена умереть нравственною смертию.

6. Собственность можетъ быть общественною или личною. И та и другая имѣютъ мѣсто въ каждомъ обществѣ. Начиная съ семейства: — вы видите, что каждый членъ семейства имѣетъ въ теченіи всей своей жизни пѣчто, называемое его личною или частною собственностью, и въ то же самое время бѣльшая часть семейной собственности обща для всѣхъ членовъ семьи; далѣе, возьмите для примѣра небольшое общество или общину, съ общиннымъ владѣніемъ землею. Здѣсь мы видимъ то же самое.

Часть собственности общинная, какъ-то: земля, воздухъ, вода и проч., но въ то же время, каждая семья изъ числа составляющихъ общину имѣетъ свою собственность и каждая личность изъ числа составляющихъ семью — свою, равно какъ семейную и общинную.

Переходя затѣмъ къ націямъ, мы увидимъ то же самое. Нѣкоторые предметы составляютъ національную собственность, другіе — общинную; одни семейную и наконецъ другіе — личную собственность. Въ томъ же направленіи вы можете перейти къ совокупности націй и встрѣтите въ океанахъ примѣръ собственности общей для всѣхъ.

7. Я не имѣю намѣренія въ настоящее время разбирать, какимъ образомъ эта теорія можетъ быть примѣнена къ организаціи въ каждомъ данномъ случаѣ, но вовсе не считаю невозможнымъ разрѣшить ею каждый мелкій вопросъ общественной или личной жизни. Въ этомъ краткомъ изложеніи я предполагаю только утвердить общіе законы и разграничить основные вопросы на столько, чтобы не быть выпужденнымъ всякій разъ возвращаться къ спору объ основныхъ началахъ, на которыхъ должна быть построена азбука всѣхъ политическихъ и общественныхъ наукъ.

Только этимъ путемъ предотвращаются ошибки и недоразумѣнія.

Политическая экономія еще держалась кое-какъ въ сплоченномъ видѣ гениемъ ея основателя, но не смотря на то,

мы наталкиваемся на споры, какъ напримѣръ споръ объ объемѣ понятія о *капиталѣ*, который кончается тѣмъ, что разрѣшается условно, смотря по нарѣчію, на которомъ написано научное произведеніе или по національности, къ которой принадлежитъ его авторъ. Если-же мы обратимся къ другимъ наукамъ изъ области нравственныхъ и политическихъ наукъ, то тамъ, всякій авторъ вынужденъ начинать съ азбуки; а слѣдующій авторъ, опрокинувшій азбуку предшественника, вовсе не заботится (да и не пугается въ этомъ), обо всѣхъ дальнѣйшихъ выводахъ предшественника. Если-же подобная критика иногда встрѣчается, то это походить на то, какъ два лица, споря другъ съ другомъ на двухъ различныхъ языкахъ, сердятся за непонятливость выраженій, употребляемыхъ противникомъ.

При такихъ условіяхъ прогрессъ въ нравственныхъ наукахъ невозможенъ.

8. Теперь спрашивается какое заключеніе вытекаетъ изъ развитія этой теоріи по отношенію къ слѣдующему вопросу: возможно-ли для установившагося общества обойтись безъ частной собственности? Я думаю, вы согласитесь со мною, что общество безъ личной собственности не будетъ достаточно счастливо, потому что мы не можемъ себѣ представить личности, которой открыть и предназначень цѣлый міръ нравственности, безъ обладанія тѣми личными средствами, дарованными природою, которые даютъ ей равновѣсіе въ дѣятельности.

Личное счастье невозможно безъ личныхъ правъ и въ томъ же родѣ, какъ мы установили ранѣе, что личность

не можетъ быть счастлива отдѣльно отъ общества, мы утверждаемъ теперь, — и это очевидно, — что общество не можетъ быть счастливо безъ счастья тѣхъ личностей, которыя его составляютъ.

9. Мы знаемъ изъ исторіи, что при развитіи обществъ, раздѣленіе природы на части, которыя могли или не могли составлять предмета «перваго захвата» личностями или семействами, измѣнялось отъ времени до времени.

Было время, когда цѣлые города составляли предметъ собственности личной или семейной, между тѣмъ какъ въ настоящее время, улицы и многое другое составляютъ общественную собственность.

Я полагаю, что общество въ своемъ развитіи можетъ произвести много перемѣнъ въ этомъ направленіи. Но въ то же время всѣ эти перемѣны могутъ и должны совершаться безъ нарушенія частныхъ правъ.

Вы можете возразить, что въ настоящее время вся полезная природа подверглась «первому захвату» и можете подумать, что было бы невозможнымъ измѣнить настоящее положеніе безъ нарушенія частныхъ правъ. На это я отвѣчу: если вы припомните сказанное мною раньше, что право «перваго захвата», стоитъ въ томъ же отношеніи къ производительной силѣ, какъ линія къ поверхности — тогда мой отвѣтъ сдѣлается для васъ яснымъ. Другими словами, допустимъ, что я имѣю въ своемъ распоряженіи достаточно линій, чтобы составить поверхность, я легко

могу уступить двѣ линіи за одну, представляющую право «перваго захвата» безъ нарушенія правъ собственника на одну линію—причемъ результатъ будетъ выгоденъ для всѣхъ заинтересованныхъ въ сдѣлкѣ.

Кажется, въ послѣднее время всѣ партіи сошлись въ одномъ убѣжденіи, что разобранные здѣсь вопросы не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ насиліемъ, и вотъ возникаетъ безконечное вооруженіе къ внутренней борьбѣ съ обѣихъ сторонъ. Не говоря уже о той тинѣ безправственности, которая выплываетъ на поверхность при такомъ положеніи вопроса, когда борьба за существованіе является принципомъ общественной жизни, освѣщеннымъ внутреннимъ сознаніемъ. Такое недоразумѣніе въ корнѣ распатываетъ основы общества. Мы не видимъ на поверхности, но чувствуемъ, что логическимъ слѣдствіемъ этого недоразумѣнія явился принципъ: *чѣмъ хуже—тѣмъ лучше*. Все это благодаря недоразумѣніямъ, которыми вторятъ обѣ борящіяся партіи, лишь съ разныхъ точекъ зрѣнія, тогда какъ разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ лежитъ въ насъ самихъ. Поймите это, и вы увидите, какъ близки вы къ примиренію.

10. Чтобы получить вѣрное понятіе о точности вышесказаннаго, я приведу слѣдующій расчетъ: если вы возьмете статистику и рассчитаете, каковъ будетъ результатъ равномернаго распредѣленія частной собственности, при настоящемъ положеніи вещей, то вы увидите, что послѣ равномернаго распредѣленія, или даже превращенія частной собственности въ общественную, всѣ будутъ имѣть, въ среднемъ, доходъ приблизительно лишь на 10% бо-

лѣе, получаемаго въ настоящее время *минимальнаго* дохода.

Что скажете вы на это? Вы не задумаясь отвѣтите, что всё будутъ бѣдны, и я не полагаю, чтобы кто либудъ былъ доволенъ. Миѣ даже кажется, что человечество предпочло бы настоящее положеніе — тому, которое установилось бы послѣ равномернаго распредѣленія.

Если таковъ результатъ, — что неоспоримо, — то всё согласится со мною, что лучше только нѣкоторымъ быть богатыми, чѣмъ всему свѣту бѣднымъ.

Ибо при отсутствіи богатства сама цивилизація не выполнитъ своего назначенія: поддерживать и увеличивать благосостояніе и утѣвляющую силу народовъ.

Сдѣланный мною расчетъ былъ основанъ на среднихъ нормальныхъ цифрахъ дохода и заработковъ, взятыхъ изъ жизненной практики различныхъ странъ, такъ сказать, на глазъ; причемъ я приводилъ къ одному знаменателю отношенія различныхъ цифръ заработка и дохода къ стоимости первыхъ жизненныхъ потребностей, также нагляднымъ путемъ; между тѣмъ, миѣ извѣстно, что нѣкоторые политико-экономическія общества предприняли произвести тотъ же расчетъ, задавшись мыслью подкрѣпить его массою несомнѣнныхъ статистическихъ данныхъ.

11. Прийдя къ такому заключенію, я спрашиваю себя, возможно-ли, чтобы природа была такъ бѣдна, чтобы не дать достаточно средствъ удовлетворить первыя потреб-

ности человѣчества, въ обширномъ смыслѣ этого слова? Возможно-ли, чтобы мы дожили до такого времени, когда теорія Мальтуса можетъ быть разсматриваема какъ вѣрная теорія? Возможно-ли, чтобы природа, какъ цѣлое, подверглась первому захвату и чтобы всѣ богатства, даваемые ею, были-бы только достаточными для благосостоянія немногихъ?

На всѣ эти вопросы, послѣ долговременнаго размышленія, я отвѣчаю коротко: нѣтъ, это невозможно. Математическіе выводы подтверждаютъ мой послѣдній отвѣтъ.

Въ предпоследнемъ § предыдущей главы, мы видѣли какъ далеки предѣлы даже извѣстныхъ въ настоящее время, силъ природы не подвергшихся «первому захвату». Я указалъ сколько въ нашемъ распоряженіи средствъ для благосостоянія, и какія заключенія могутъ быть выведены, а также какъ велика средняя умственная сила, которая не можетъ быть подвергнута первому захвату, но составляетъ общее достояніе паціи и цѣлаго міра. Привилегіи на изобрѣтенія даются только на краткіе сроки, по истеченіи которыхъ эти изобрѣтенія становятся общимъ достояніемъ и никто не имѣетъ на нихъ права «перваго захвата».

Точно также мы можемъ сказать, что громадное количество умственной силы, унаслѣдованной нами отъ предковъ, составляетъ теперь общее достояніе, которое въ совокупности съ безграничными силами природы даетъ безпредѣльное богатство всему міру.

Замедленіе во всеобщемъ, безпрепятственномъ распро-

страшеніи пользованія этимъ достояніемъ составляетъ одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которому содѣйствовать въ какихъ-бы то ни было видахъ и неразсчитливо и бесплодно. Самовсепроницаемость знанія неодолима, и практическими успѣхами его пользуется съ наслажденіемъ всякій. И, стоитъ только понять, что противоположность интересовъ въ этомъ отношеніи есть слѣдствіе недодуманности, и что потребность каждой отдѣльной личности, на какой-бы степени благосостоянія она не находилась, есть *общее благо*, чтобы твердо рѣшиться ускорить, всѣми силами, возможность большинству пользоваться этимъ общимъ благомъ, съ увѣренностью въ томъ, что это единственный путь къ уничтоженію раздора и свѣточъ примиренія, какъ свѣтъ разума и солнце правды!...

12. Теперь спрашиваю васъ: въ чемъ выражается примѣненіе нашей умственной силы къ богатствамъ, даваемымъ природою? и отвѣчаю общепринятымъ для этого выраженіемъ:—въ пользованіи цивилизаціею.

Обыкновенно думаютъ, что только 4% человечества въ состояніи пользоваться благодѣяніями цивилизаціи. Но я осмѣливаюсь думать, что въ этомъ кроется одна изъ тѣхъ «ошибокъ», о которыхъ говорено выше. Несомнѣнно, что 4% человечества располагаютъ болѣеимъ временемъ для пользованія плодами цивилизаціи, но также можно утвердительно сказать, что и на остальные 96% цивилизація дѣйствуетъ благодѣтельно. Нѣтъ надобности приводить здѣсь примѣровъ, потому что вся исторія и все-

возможны сравненія, находящіяся у насъ передъ глазами, дѣлають это очевиднымъ.

Разсчитайте время и расходы, необходимыя работнику для проѣзда извѣстнаго разстоянія по желѣзной дорогѣ и сравните это со временемъ и расходами, необходимыми ему при совершепіи того же путешествія на лошадахъ или пѣшкомъ, и вы получите одинъ изъ безконечнаго ряда примѣровъ для подкрѣпленія вышеизложеннаго.

Я не хочу этимъ сказать, что 96% человечества должны удовлетвориться тѣмъ, что имъ дала цивилизація до сего времени; я увѣренъ, что однихъ существующихъ уже средствъ намъ совершенно достаточно, чтобы польованіе цивилизаціей достигло высшихъ предѣловъ и приносило свои плоды всему міру, не составляя удѣла небольшаго числа счастливыхъ смертныхъ. При содѣйствіи непредѣльныхъ силъ природы мы можемъ достигнуть этого.

Только государственное устройство нашей страны можетъ дать намъ средства для достиженія цѣли и будь эта мысль достаточно понятна всѣмъ, мы немедленно-же воспользовались-бы этими силами для всеобщаго блага, безъ всякаго нарушенія частныхъ правъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

1. Мы начали наше изслѣдованіе выдержкой изъ исторіи философіи и уяснили себѣ причину разнашенія философіи на два лагера, изъ коихъ одинъ охарактеризованъ нами терминомъ философія *пространства*, а другой терминомъ философія *времени*; хотя изъ самаго опредѣленія повидимому явствуетъ, что оба эти направленія должны бы были взаимно дополнять другъ друга, однако мы видимъ, что онѣ распались на два какъ бы враждебныхъ лагера, изрѣдка соединяясь, въ нѣкоторыхъ изъ великихъ представителей, все таки не дающихъ разрѣшенія основныхъ вопросовъ, а стоящихъ лишь вѣхами на пути къ истинѣ. Въ заключеніе мы должны привести выдержку изъ повѣйшей исторіи мысли и указать на послѣднія попытки, сдѣланныя ею, къ взаимному примиренію обохъ лагерей.

Еслибы каждое изъ направленій сознавало свою неполноту и не стремилось бы представлять собою родоначальника истины, то, по всей вѣроятности, мы были бы го-

раздо ближе къ истинѣ, чѣмъ въ настоящее время; скептицизмъ не завладѣлъ бы нами и всякая новая система не расширяла бы его поля дѣйствія, и не пускала бы въ глубь нашего разума новыхъ ростковъ скептицизма.

Метафизика, которая вмѣсто того, чтобы укрѣплять здравомысліе, питала скептицизмъ, возбудила прежде всего полное недовѣріе къ себѣ въ публикѣ, слѣдствіемъ котораго явился протестъ со стороны мыслителей; и вотъ мы видимъ Огюста Конта, создающаго позитивизмъ, Герберта Спенсера, проповѣдующаго теорію непознаваемаго и Дюринга, упершаго человѣческую мысль на одну точку практики.

Первый—атрофируетъ добрую половину человѣческой мысли, второй—ограничиваетъ ее рамками своихъ воззрѣній, а третій—хотя и даетъ ей здоровое, прямолинейное направленіе, но, къ сожалѣнію, поставленные имъ заслоны не расположены параллельно другъ къ другу (такъ чтобы дозволить, вѣрно направленному, умственному кругозору, послѣдовательно и постепенно фиксировать все окружающее въ предѣлахъ до безбоязности), а пересѣкаются въ одной точкѣ, хотя и расположенной далеко отъ наблюдателя, но ближе, чѣмъ для него это доступно.

Позитивизмъ, атрофировавъ цѣлую массу мыслительныхъ способностей, пускается въ далекій путь къ знанію на конькѣ современныхъ результатовъ и говоритъ—я долженъ предвидѣть мѣста стоянокъ и случайности, которыя будутъ предстоять на моемъ пути; но потъ еще сыра бумага, на которой напечатана позитивная философія, какъ

уже также позитивная мысль ускокала далеко въ сторону отъ начертаннаго ей позитивизмомъ пути: — осужденному Контомъ Ламарку послѣдовалъ Дарвинъ, а молекулярная химія, строго воспрещенная имъ, приобрѣла права гражданства.

Гербертъ Спенсеръ еще не сказалъ своего послѣдняго слова, но избранный имъ путь изслѣдованія представляетъ собою пандивнѣйшій путь къ достиженію цѣли, и безъ руководства общей мысли навѣрнѣйшій къ заблужденію; такъ что общая мысль, которая у него представляется какъ-бы подчиненною апостеріористической разработкѣ, въ сущности подчиняетъ себѣ послѣднюю, и въ дѣйствительности, вся апостеріористическая подкладка его философіи представляется ничѣмъ инымъ, какъ декорацией, заслопкою идею и затрудняющей читателя своей многотомностью. Въ отношеніи къ теоріи непознаваемаго идея Герберта Спенсера составляетъ оскорбленіе мысли, и такъ какъ созданная имъ рамки вытекаютъ только изъ основаній его—міровозрѣнія, то и являются произвольными границами знанія.

Философія Дюринга, выростая изъ здороваго корня жизни, стала на высшую точку философіи этого ряда мыслителей. Она ставитъ всѣ коренные вопросы жизни въ ихъ прямой дѣйствительной постановкѣ; она составляетъ самый здоровый и сильный протестъ противъ нессимизма и скептицизма; она приближается къ пониманію сущности знанія и выдвигаетъ вѣру какъ основной принципъ знанія, не раздробляя его области на познаваемую и непознаваемую; но будучи столь близкимъ къ послѣднему слову въ этомъ направленіи Дюрингъ не говоритъ этого слова, а останавливается на полупутѣ, отталки-

вал одной рукой вопросъ объ объективномъ знаніи, и притягивая его другой рукой введеніемъ принципа вѣры.

Вслѣдствіе такой незаконченной постановки вопроса рождается противорѣчіе; является теорія отрицающая теоритическую постановку.

А между тѣмъ вопросъ разрѣшается весьма просто, если разобрать теорію нашего познания; теорія эта покажетъ намъ степень достовѣрности нашего знанія и тѣмъ дастъ намъ мѣрдо объективнаго знанія; намъ не нужно отталкивать вопросъ, не нужно апеллировать къ чувствованію; вѣра въ объективное знаніе является не произвольной потребностью нашего каприза, а обоснованной необозримыми доводами вѣроятностью, которой близость къ достовѣрности не убавляетъ насъ, а укрѣпляетъ на твердомъ фундаментѣ. Теорія познания разобьетъ скептицизмъ его-же оружіемъ, а не будетъ подводить всѣхъ вопросовъ къ началамъ подобнымъ началу вкуса, она не скажетъ намъ, если вы не соглашаетесь, что это сладкое, то ни какой теоріей я не въ силахъ убѣдить васъ въ этомъ.

Теорія познания не позволитъ намъ разбрасываться, она поставитъ по обѣимъ сторонамъ нашихъ умственныхъ очей два заслона, которые расположены параллельно между собой и потому мы можемъ фиксировать даль на безконечномъ разстояніи; и такъ какъ отъ насъ зависитъ поворачиваться во всѣ стороны, то мы не стѣснены никакими предѣлами.

Въ этикѣ Дюрингъ стремится группировать всѣ вопросы вокругъ человѣческаго счастья, но, какъ и въ метафизикѣ, онъ не договаривается до конца и не создастъ теоріи счастья, согласной самымъ широкимъ понятіямъ началамъ добра, онъ не успѣваетъ слить этихъ началъ въ одно стройное гармоническое цѣлое.

Въ этикѣ Дюрингъ рождаетъ цѣлый рядъ превратныхъ рѣшеній, уносящихъ читателя далеко въ сторону отъ истиннаго пониманія добра; мечь является началомъ права; тщеславіе и ревность — правомъ личности. Въ этихъ результатахъ заключается пробный камень философіи Дюринга и въ нихъ ея осужденіе.

2. Изложивъ нашу теорію въ общихъ чертахъ, необходимо дать идею примѣненія прочю установленной теоріи къ практикѣ—что я и постараюсь сдѣлать:

Политическія и общественныя науки находятся теперь въ такомъ положеніи, что онѣ не могутъ принять для себя какое нибудь общее основаніе идей, достаточно обширное, чтобы удовлетворить всѣхъ. Въ результатъ оказывается, что двѣ отдѣльныя личности, двѣ партіи или двѣ націи, находясь въ разногласіи, должны войти въ нескончаемыя препирательства не достигнувъ удовлетворительнаго для обѣихъ сторонъ результата.

Существуетъ общепринятое мнѣніе, что всѣ спорящіе, будь-то отдѣльныя личности, партіи или націи—правы, каждый съ своей точки зрѣнія. Эта формула употребляется нами ежедневно для оправданія недостаточности теорій, на которыхъ построены политическія и общественныя науки.

Мы привыкли говорить, во всѣхъ такихъ случаяхъ, что каждая личность, партія или нація, дѣйствуютъ и имѣютъ право дѣйствовать согласно съ своею точкой зрѣнія, которая въ «данное время» считается истинною для того, кто

упирается на нее. Нѣтъ надобности указывать вамъ, какъ велики бываютъ «пропасти» безправственности и лживости во многихъ пресловутыхъ точкахъ зрѣнія, къ которымъ мы привыкли относиться снисходительно, и я убѣжденъ, что здѣсь-то мы и найдемъ обляепеніе тѣхъ «ошибокъ недоразумѣній», о которыхъ упоминалось выше.

Многіе могутъ считать утопіею вѣру въ существованіе теорій, удовлетворяющихъ всякаго, воѣ партіи и воѣ общества; но я надѣюсь, что вы раздѣляете мое мнѣніе, что это нашъ долгъ стремиться придти къ заключенію подобнаго рода.

Не забывайте, что націи находятся въ такомъ же отношеніи одна къ другой, какъ личность къ націи и что какъ совокупность личностей составляетъ націю, такъ совокупность націй составляетъ человѣчество.

3. Мы также обыкновенно говоримъ, что нѣтъ правила безъ исключеній; и въ извѣстномъ смыслѣ это вѣрно. Но въ то-же время, если правило представляетъ общественный законъ, то общество не можетъ допускать или терпѣть исключеній. Еслибы настоящій вопросъ коснулся грамматическаго правила (закона), то мы сказали-бы: такъ какъ грамматическія правила не представляютъ совершенныхъ теорій, то исключенія должны быть допускаемы. Но допускать возможность исключеній изъ законовъ природы, въ которыхъ мы ищемъ выраженія для всѣхъ одинаковыхъ предметовъ и явленій, значило-бы не

считать такія теоріи и законы ни вѣрными, ни основательными.

Таковъ путь къ попытанію теорій. Можетъ случиться, что исключеніе помѣшаетъ намъ признать теорію вѣрною, но возможно и то, что одно исключеніе будетъ достаточнымъ къ ея опроверженію. Но все это стоитъ въ зависимости отъ того, имѣеть-ли исключеніе, служащее пробнымъ камнемъ теоріи, общій или случайный характеръ.

Такимъ образомъ можетъ быть провѣрена всякая гипотеза.

4. Въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, всѣ ученые признавали, что причина, вслѣдствіе которой наши политическія и общественныя науки не столь точны въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ математическія науки, заключается въ употребленіи послѣдними лучшихъ и болѣе точныхъ методовъ.

Но какой обнаружился результатъ, когда математическіе методы пробовали примѣнить къ политическимъ и общественнымъ наукамъ?

Совершенно недостаточный! Я осмѣлюсь сказать, что всѣ методы хороши, если примѣняются добросовѣстно или съ должною послѣдовательностью. Мы можемъ достигнуть истины посредствомъ всѣхъ логическихъ методовъ и весь вопросъ будетъ заключаться только во времени. Во многихъ случаяхъ—и мнѣ кажется это не трудно доказать—методы, употребляемыя въ политическихъ и обществен-

ныхъ наукахъ, обширнѣе тѣхъ, которые приняты для математическихкихъ наукъ.

5. Причина, по которой мы никогда не сомнѣваемся въ основныхъ результатахъ, даваемыхъ математическою наукою, и почему не пользуемся такимъ всеобщимъ признаніемъ результаты, даваемые политическими и общественными науками—лежитъ въ томъ, что математическія науки основаны на очевидныхъ аксіомахъ.

6. Вы можете сказать, что для общественныхъ наукъ невозможно найти очевиднаго основанія, но если вы разберете коренныя основанія всѣхъ религій міра, вы увидите очевидные принципы, на которыхъ должны быть основаны общественныя науки.

Еще Жюль Батистъ Сэй, говоря о нравственныхъ и политическихъ наукахъ, доказываетъ возможность установленія твердыхъ, аксіоматическихъ основаній для этихъ наукъ; болѣе того, авторъ этотъ своей остроумной аргументаціей доказываетъ, что вполне возможно установить въ мірѣ нравственныхъ явленій, такія-же твердыя начала, какія мы установили въ мірѣ физическихъ явленій; онъ вполне понимаетъ, что вся сила наукъ математическихъ и естественныхъ тутъ и заключается; но оный-таки, какъ и при указаніи на Адама Смита, мы говорили объ необходимости этическихъ принциповъ, которые должны лечь въ основаніе нравственныхъ наукъ, такъ и теперь утверждаемъ, что въ своей остроумной аргументаціи Ж. Б. Сэй опу-

стиль изъ виду, что аксіомы для нравственныхъ наукъ слѣдуетъ искать въ сферѣ нравственныхъ идеаловъ, что только тогда, когда наука будетъ разбирать свои вопросы съ точки зрѣнія нравственнаго идеала, она станетъ на точную почву, законы ея будутъ неопровержимы и ея выводы общепризнанными.

Какъ за недостаткомъ аксіомъ, науки физическія прибѣгаютъ къ гипотезамъ, болѣе или менѣе достовѣрнымъ, такъ и въ наукахъ нравственныхъ, отымитс вы идеалы, и утопія воцарится на ихъ мѣсто. Ж. Б. Сэй далеко былъ отъ такихъ выводовъ, ибо стоялъ на почвѣ безразличной науки Адама Смита, которая однако не можетъ и не должна быть безразличною, ибо она наука нравственная. Поставьте вы теорію счастья, выведенную изъ началъ этики въ основаніе нравственныхъ наукъ, и вы увидите какъ быстро вы достигните результатовъ.

7. Если я достаточно доказалъ, какимъ способомъ возможно найдти нравственныя аксіомы, которыя будутъ общи и очевидны для цѣлаго міра, и если вы, читатель, убѣдитесь, какъ я самъ убѣжденъ, въ возможности въ будущемъ открыть пути къ этимъ аксіомамъ, то цѣль труда моего будетъ достигнута, и съ того мгновенія какъ вы познаете эту возможность, вы обезпечите за собою ваше счастье!

